



Наталья КОЛЕСОВА

Нестрашные сны

Роман

Часть I

**ИНСТИТУТ МАГИЧЕСКИХ
ФЕНОМЕНОВ**

**Новокузнецк
«Ник без Компані»
2020**

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»



Наталья КОЛЕСОВА

Нестрашные сны

Роман
Часть I

**ИНСТИТУТ МАГИЧЕСКИХ
ФЕНОМЕНОВ**

Новокузнецк
«Ник без Сопрані»
2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К60

КОЛЕСОВА Н.В.

К60 **Нестрашные сны** : роман : часть I : **Институт магических феноменов** / Наталья Колесова ; Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк : Ник без Сопрані, 2020. – 76 с.
16+

Агата Мортимер – загадка для всего магического сообщества. У неё как будто бы нет способностей к волшебству, однако это не помешало девушке обезвредить полный магии Котёл в центре столицы. Теперь Агату ждут в Институте магических феноменов, чтобы изучать и контролировать её странный дар. Только хочет ли этого она сама? Вопросов становится всё больше. Как Агата связана с Кобуци, мощнейшей магической аномалией, результатом неудачного эксперимента? Что за Пустыня преследует девушку во снах? Что это за сны, которые переносят Агату и её друзей на многие километры от столицы?

И как быть, когда ты совершенно не нравишься тому, кого ты любишь?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6



КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна родилась в Новокузнецке. Закончила филологический факультет Кемеровского университета. В КЛФ «Контакт» пришла в 1991 г. Активный участник ролевого движения. Первая публикация – повесть «Голубая пантера» – в газете «Новокузнецк без политики» в июле-сентябре 1996 г. Пишет и нефантастическую прозу.

В конце 2007 года в московском издательстве АСТ вышел роман Натальи Колесовой «Карты судьбы». С 2009 по 2018 год в издательстве АСТ, а затем «Эксмо» вышло ещё шесть романов Натальи Колесовой, а роман «Сказки Волчьего полуострова. Король на площади» вышел и вторым изданием в пocketбуке.

В Новокузнецке вышло девять книжечек Натальи Колесовой.

Пролог

*А знаешь, там не страшно,
Я думаю – не страшно,
Но как быть может страшно в стране наших снов?*
Исполнитель – группа «The Couple»

Я ползу по коридору на четвереньках. Или это называется – иду? Двигаюсь... Коридор освещённый, длинный. Пустой. Если опустить голову, видно, какая за мной остаётся широкая красная полоса. Не знала, что в человеке так много крови. Руки начинают сильно дрожать в локтях и запястьях, а колени переставляются всё тяжелее, точно их оттягивают назад на резинке. Наверное, легче ползти. Я ложусь и понимаю, что это плохая идея: пол гладкий, скользкий, пальцам не за что уцепиться. А, может, попробовать двигаться на спине, просто отталкиваясь ногами? Побарахтавшись, как черепашка с расколотым панцирем – садисты-мальчишки в детстве разбивали его камнями – переворачиваюсь и смотрю в потолок. Потолок ведет себя очень странно: он то нависает над самым моим лицом, то уплывает куда-то высоко, прямо в небо, то раскачивается из стороны в сторону, как маятник... Может, землетрясение началось?

Я поворачиваю голову, прижимаясь щекой к холодному камню. Окна в коридоре большие, но выходят они на «глухую» стену соседнего здания, и с пола видно только эту стену и небо. Серое небо. Вечер? Утро? Просто плохая погода? Наверное, всё-таки вечер, потому что в институте никого...

Институт! Сама не знаю, почему это слово меня беспокоит. Слово как слово. Но есть в нём что-то такое, что заставляет меня ползти вперёд. Выбираться... надо выбраться, пока никто не пришёл. Не нашёл меня.

Никто меня не ищет! Защищало глаза и щёки – слёзы, внезапные, горячие, солёные. Никому я не нужна. Ни-ко-му. Совсем. Кроме... Я пытаюсь поднять голову – аж шея дрожит от усилия. Не получается. Тогда я скашиваю взгляд на ноги. Назад. В том конце коридора темно и пусто. Никто не идёт по моему следу. Но это ненадолго.

Надо выбираться. Я запрокидываю голову: впереди лестничная площадка, а за ней точно такой же коридор. Может, я сумею съехать вниз по перилам? Только вот не знаю, куда я... приеду.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИНСТИТУТ МАГИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ

*День подходит к итогу. Послушай:
Сон котёнком крадётся по крыше,
Синеокий чернильный котёнок
Скоро станет матёрым котом.
Изловчится, на форточку вспрыгнет,
Тенью в ноги к тебе заберётся,
И свернётся клубочком, прогонит
сны дурные и недобрых людей.*

Н.Караванова

Глава 1

Парк запутанных дорожек

Агата очень боялась идти к Димитрову в больницу. Даже позвонить не решалась. Сначала хотела навестить Максима, своего телохранителя, но и Келдыш, и бабушка, как сговорившись, запретили это делать. Агата поняла, что не очень-то он хочет её видеть. А вдруг и Славян тоже? Хотя это смешно, они же с ребятами его вылечили! Но ведь в больницу он попал из-за неё. И неизвестно, вернётся ли к нему огненная магия. А если – она вспоминала рассказ Келдыша о детях, которых родители после войны водили к Слухачам – его тоже «выпили досуха»? Лучше, конечно, было заявиться к Димитрову всей толпой. Но у интернатовцев (всех, кроме неё) помимо обычных школьных начались ещё и экзамены по магии, и Божевич решительно запретил выходы в город, особенно их сумасшедшей компании. Это не она, это директор так их назвал.

В общем, Агата всё раздумывала и колебалась – пока не явился Келдыш и не предложил сопроводить её в больницу. Она не сумела придумать уважительную отговорку и теперь плелась рядом с ним по больничному парку. Где-то здесь со Славяном гуляет мама Димитрова. Агата надеялась их просто не найти – ведь парк такой большой! – но чтобы Ловец кого-то не нашёл...

– Вон они, – Игорь показал на женщину, катившую по аллее инвалидную коляску.

Агата испугалась:

– Он что, не может ходить?

– Просто ещё слишком слаб. Добрый день!

Димитрова вскинула руку, заслоня глаза от солнца, и заулыбалась:

– О, Игорь, вы снова пришли? Здравствуйте-здравствуйте!

Агата вопросительно поглядела на Келдыша:

– Снова?

– Я тут бываю. Иногда, – бросил тот на ходу.

– И Агата тоже! – продолжила мама Славяна напряжённо-оживлённым голосом. – А мы уж думаем: что-то нас одноклассники не навещают?

– Экзамены, – виновато пробормотала Агата.

Келдыш подошёл первым, пожал руку Димитрову.

– Здравствуйте, Славян. Я принёс тренажёры для рук. Оставил в вашей палате.

Он со всеми на «вы». Даже с маленьким Зигфридом-Водяным.

– А как...

– Там есть инструкция, но первое время может понадобиться чья-то помощь.

– Сам справлюсь!

Знакомые агрессивные интонации в хриплом голосе. Агата слегка взбодрилась: может, всё не так уж страшно? Увидела тёмную кудрявую макушку Славяна – он пытался выглянуть из-за спинки кресла.

– Мориарти?

– Да, – Агата подошла и пробормотала неловко: – Привет, Слав.

– Привет.

Выглядел парень нормально. Ну, почти нормально – если не обращать внимания на тёплый больничный халат, бледное лицо и бледные губы. Руки расслабленно лежали на подлокотниках. Димитров сощурился на неё, опять сказал:

– Привет.

Агата покосилась на взрослых: отойдя в сторону, те что-то тихо обсуждали.

– Ну ты... как?

– Нормально. А ты?

– Нормально.

Он помолчал.

– Совсем-совсем нормально?

– Ну... да.

– Подойди ближе! – скомандовал он. – Я тебя вижу плохо.

Агата и без того заметила, что он щурится и наклоняет голову то так, то эдак, точно пытаясь получше рассмотреть её. Шагнула ближе. Носки кроссовок упёрлись в колесо коляски.

– Ага, – теперь Димитров смотрел на неё снизу. Глаза тёмные-тёмные. Напряжённые. – Я когда... проснулся... стал хуже видеть и слышать. Всё вокруг какое-то... не такое.

Агата промолчала. Она, кажется, поняла: Славян видит и слышит теперь, как обычный человек. Просто человек. Как она сама.

Не маг.

Запаниковав, Агата оглянулась. Келдыш наблюдал за ними поверх кудрявой головы Димитровой.

– Наши передают тебе привет. Пока экзамены и Божевич не выпускает, но они придумают, как выбраться. Вот.

Протянула пакет с конфетами и журналами. Пальцы Славяна дёрнулись и замерли.

– Положь куда-нибудь, – скомандовал он со злостью.

Агата торопливо пристроила пакет ему на колени. Димитров сказал в её склонённый затылок:

– Говорят, это ты меня вылечила?

– Нет. Все мы. И ещё, – она махнула рукой в сторону, – Келдыш.

– Ты мне снишься.

– Правда? – Агата почувствовала, что краснеет.

– Каждую ночь. – Славян подумал и добавил: – И день. Всегда, когда засыпаю. Как он подходит к тебе... – Агата поняла сразу – Инквизитор. – А ты говоришь ему: возьми всё... Страшно.

В их полку прибыло – вот ещё один с ночными кошмарами! Агата кивнула.

– Игорю инквизитор тоже снится. И мне. Стефи говорит, я иногда кричу по ночам.

Димитров наблюдал за ней тёмными неподвижными глазами.

– Не он страшный. Ты.

Славян как будто её ударил – она даже сделала шаг назад.

– Всё нормально? – спросил Келдыш за её спиной, Агата и не заметила, когда он успел подойти. Димитров сказал устало:

– Я лечь хочу.

Его мама сразу захлопотала, поправляя плед у него на коленях, разворачивая коляску.

– Хватит на сегодня, нагулялись, поехали в палату. Спасибо, что забежали, Игорь, Агата. Приходите ещё!

Никогда. Никогда больше.

Агата не стала смотреть, как они уезжают. Повернулась и пошла в противоположную сторону. Двое долго молча шагали по запутанным бесконечным дорожкам – Агата начала подозревать, что волшебники что-то сделали здесь с пространством. И со временем – они неожиданно вышли в осень.

– Посидим? – Келдыш смахнул жёлтые листья со скамейки, уселся, вытянув ноги. Агата присела на край и отвернулась. Не хотела говорить о Славяне. Она даже не знала, что сказать остальным. Пусть сами теперь к нему приходят.

– Хотите?

Келдыш протягивал половину шоколадки. Вторую жевал сам. Наверно, приносил Димитрову, а отдать забыл.

– Спасибо.

Агата подержала плитку в руках и всё-таки откусила. Горький...

– Мортимер.

Почему-то он всегда обращается по фамилии, когда они остаются одни. Или ему очень не нравится имя Агата, или он таким образом напоминает ей, что возится с ней исключительно как куратор Службы Контроля над Магией.

Да и себе, наверное, – тоже.

– Помните, как вы себя чувствовали, когда я водил вас к Слухачу?

Агата упорно жевала шоколад. Ещё бы не помнить!

– А теперь умножьте всё это на тысячу. Его сейчас просто раздрают злость, страх... отчаянье. Бессилие.

Её они тоже сейчас раздрают. На мелкие клочочки.

– Он расстроился, что я себя хорошо чувствую! – пожаловалась Агата.

– Нормальная человеческая реакция – когда тебе плохо, то и целому миру тоже должно быть плохо.

– Значит, я не человек, – буркнула она. – Или не нормальная.

– Да уж, – согласился Келдыш. – С нормальностью у вас, действительно, наблюдается некоторая напряжёнка.

Агата покосилась. Он улыбался.

Наверное, помогла шоколадка. Или то, что Келдыш в трёх словах объяснил поведение Димитрова. Обида и вина всё равно вернутся – она долго будет переживать-пережёвывать-обдумывать ночами. Но сейчас ей стало легче. Агата огляделась. Ярко-голубое сентябрьское небо. Жёлтые, точно светящиеся, листья на деревьях. Разноцветная листва под ногами.

– Красиво как...

Келдыш посмотрел вправо-влево, точно впервые заметил, где они находятся. Поднялся.

– Красиво. Но давайте-ка вернёмся в лето.

– А если посетители *не* волшебники? – спросила Агата, когда они возвращались – до ворот и лета, оказывается, было рукой подать. Келдыш ответил прежде, чем она закончила вопрос:

– Для них это просто небольшой больничный парк.

– А если долго ходить по дорожкам, то можно выйти и в зиму?

– Не советую, – сказал Келдыш, не глядя на неё. – Холодно.

– Но в принципе, можно?

– В принципе... В принципе, когда я здесь лежал, для меня на любой аллее была зима.

Агата сразу умолкла. Она никогда не лечилась в подобной клинике – магия, как выяснилось, не может принести ей вреда. Даже после... Инквизитора ей достались одни кошмары. А Игорь вон до сих пор ходит к целителям.

Келдыш привычно оглядел улицу, прежде чем выпустить её за ворота. Сказал неожиданно:

- Но гораздо хуже попасть в Пустыню.
- Пустыню?
- Многие не возвращаются.
- Как это?

Игорь пожал плечами. Ему, наверное, до смерти надоело рассказывать общеизвестные (волшебникам) вещи. Агата нахохлилась. Наверное, она никогда не станет «своей», потому что родилась и выросла обычным человеком и практически ничего не знает. Да и родители у неё те ещё...

Если хорошенько посчитать, то Келдыш сам ей в отцы годится. Перед войной он заканчивал Академию, а она только родилась. Ну, не только, наверное, ей было года два уже. В Академии учатся пять лет, а поступают... поступают по-разному.

- А вы во сколько лет начали учиться в Академии Магии?

Келдыш помолчал – наверное, пытался сообразить, зачем ей это надо. Сказал наконец:

- Не беспокойтесь, времени у вас больше чем достаточно.

Решил, она расстраивается, что поздно начала учиться! Ну что она за человек, нет бы просто спросить, а она боится: а вдруг он подумает, что она подумала... Вдруг догадается, что она пытается понять – может ли взрослый мужчина обратить внимание на девушку... такого безнадежно школьного возраста.

Не мог он быть её отцом! Бабушка говорит, волшебники могут зачать детей только к тридцати годам: «Если природа даёт что-то одной рукой, другой она обязательно отнимает». И детей у магов мало – двое большая редкость. Если б в обычных семьях не рождались дети с МээС, волшебники давно бы вымерли. Агата подумала вдруг, что всё ещё не относит себя к магам. И видит, и слышит... и чувствует, как обычный человек.

Это хорошо или плохо?

Стефи, выслушав рассказ о посещении Димитрова, промолвила непривычно задумчиво:

– Я пыталась представить, как это – взять и остаться без магии? Не понимаю, как без неё вообще можно обходиться!

А она вот обходилась себе преспокойненько, да и продолжает – большую часть времени – и не представляет, как же ей теперь с магией *жить*.

– Думаешь, магия к нему не вернётся? А не было случаев, когда...
– Агата затихла под снисходительным, каким-то... взрослым взглядом Стефани. Так смотрят на малыша, толкующего про фею, которая ему привиделась ночью: мол, вырастешь, сам поймёшь, что фей не бывает! Непонятно, кому сочувствовала Стефи – то ли бедняге Димитрову, то ли самой Агате – но прозвучало это с жалостью:

– Нет, Агат, не бывает такого. Это же Главный Инквизитор!

Агата полдня нерешительно посматривала на телефон: Келдыш после... Андрэ подарил ей сотовый с тревожной кнопкой, наказав везде носить с собой. Мобильник был таким навороченным, что она до сих пор и половины функций не освоила. Позвонить Игорю, спросить – а правда ли магия к Славяну не вернется? Нет, наверное, нужно всё-таки поменьше «грузить» своего куратора.

И только по делу.

А не вечными своими сомнениями и страхами.

Ночью, наверно, для разнообразия, ей приснился не Инквизитор – пустыня. Не привычно жёлтая, не красная и не белая, какого-то странного тёмно-болотного цвета. Низко над головой – можно рукой достать – клубились багровые тучи, словно кто-то постоянно перемешивал их гигантской ложкой. К горизонту тучи темнели и становились почти чёрными.

Агата спустилась-соскользнула вниз с бархана – следов на песке не оставалось. Вокруг были такие же застывшие волны-барханы, ни единого растения, ни одного человека. Оставалось только идти к горизонту, где появилась белая ослепительная полоса, похожая на трещину. Она расширялась и расширялась, как будто кто-то рвал ткань воздуха по границе песка и неба...

Проснувшись, Агата почему-то твёрдо знала – это и есть Пустыня, из которой не возвращаются.

Глава 2

Новая метла

– Эй, Агата! Мориарти!

Она понемногу привыкала – правда, ещё через раз – реагировать на вольный вариант своей фамилии.

– Директор сказал к нему идти!

Агата захлопнула книгу.

– А зачем?

Нашедший её в парке второкурсник пожал плечами.

– Да там какой-то мужик пришёл...

Ещё один целитель с ещё одним не заданным вопросом?

После того, как они «вытащили» Славяна, их ещё целый месяц расспрашивали, расспрашивали и расспрашивали – каждого по отдельности и всех вместе. Заставляли вспоминать, кто где стоял (до миллиметра), кто что говорил, кто что делал (вплоть до вдоха-выдоха), кто о чём думал, кто что чувствовал... Среди менявшихся целителей постоянно присутствовал один и тот же человек, которого Агата видела в доме Келдыша после смерти Инквизитора. Работник СКМ. Конечно, этой службе надо всё держать под контролем – а то начнёт ещё кто попало исцелять казнённых! Поначалу интернатовцы охотно расписывали как всё было, потом устали в сотый раз пересказывать одно и то же. «Как же тяжело быть знаменитостью!» – вздыхал Зигфрид. Потом начались экзамены, и Божевич настоял, чтобы его подопечных хотя бы на время оставили в покое.

Агата шагнула через порог директорского кабинета, увидела хмурого Келдыша, нервничающего Божевича – и у неё подкосились ноги. Это было так похоже на...

– Что-то с бабушкой?!

– Что? – Келдыш поднялся. – Да что же вы всё время на меня так реагируете-то?! Всё в порядке с вашей бабушкой!

Агата пару раз вдохнула-выдохнула и жалко пробормотала:

– Здравствуйте, извините. Я просто подумала...

– Что я принёс вам ещё одну... гадостную весть? Ну в общем, где-то вы правы, конечно.

– Тебя вызывают в СКМ, – похоронным голосом объявил Божевич.

– Да? – сказала Агата через паузу, потому что от неё явно ждали какой-то реакции. – А зачем?

– Насколько я понимаю, – сказал Келдыш, – для ещё одной очень долгой, нудной и поучительной беседы. Я обещал мадам Мортимер вас отвезти... кажется, я постепенно превращаюсь в личного водителя? Как куратор обязан вас проинструктировать, чтобы в СКМ вы не ковырялись в носу и вообще вели себя прилично.

Агата через силу улыбнулась.

– Ну тогда... поехали? Или, может, мне надо переодеться?

– Едем как есть, вы и так прекрасны!

Она всё-таки успела бросить взгляд в зеркало – да уж, прекрасна! Джинсы, майка, волосы торчат во все стороны, лицо бледное, глаза всё ещё перепуганные... Наверное, неприлично в такое солидное заведение, Службу Контроля над Магией (вон, как мужчины озабочены!) являться в виде несчастной сиротки Марыси?

Агата ещё ни разу не была в здании СКМ. С любопытством крутила головой, читая загорающиеся при приближении таблички на

дверях. Встречные здоровались с Келдышем, тот отвечал кратко, не останавливаясь и не улыбаясь. Вообще, куратор был сегодня не в настроении: молчал, словно сосредоточенно обдумывал что-то.

– А бабушка тоже туда придёт?

– Да.

– А какие вопросы будут задавать?

– Думаю, несложные.

– А для чего всё это нужно?

Келдыш промолчал. Агата попыталась снова:

– Мы ведь к Шрюдеру идём, да?

Игорь вздохнул, с силой потёр шею, точно она у него болела, и замедлил шаг.

– Мортимер... – глядел он как-то озабоченно. – Шрюдер больше не возглавляет СКМ.

– Правда?

– Он сейчас передаёт дела новому начальнику. Констанц вас и вызвал. Я не располагаю подробными сведениями, и не знаю, чего от него можно ожидать. Но ходят слухи... хотя при смене руководства всегда ходят разные слухи, сами знаете: новая метла и так далее...

Агата не знала, что «и так далее», но всё же понимающе кивнула.

– Возможно, ничего страшного в этом нет, – продолжал Келдыш, – но настораживает, что он сходу занялся вами. Поначалу все на новых должностях страдают излишним служебным рвением, как бы не наворотил дел...

– Каких?

– Разнообразных. Я буду рядом. Вы разрешите мне?... – он поднял руку с крисом. Агата неуверенно кивнула, и Игорь утешил: – Только когда понадобится вам что-нибудь подсказать. *Если* понадобится.

Она прочитает его мысли-подсказки, но ведь и он может услышать её. Ну и что? Она же не будет думать ничего такого... Да вообще не будет думать!

Келдыш остановился. Рассеянно поглядел в окно.

– Хотя, возможно, всё это только бред моего большого воображения. Идёмте.

Открыл перед ней дверь со странной табличкой: потекшей. Словно оплавленная.

Бабушка и Шрюдер уже были здесь. За длинным столом сидела ещё какая-то женщина, постукивавшая ручкой по раскрытому блокноту. Уставилась на вошедших. Ручка зависла в воздухе.

– Добрый день, – сказали от окна. – Проходите, присаживайтесь.

Келдыш и Шрюдер пожали друг другу руки, Агата чмокнула бабушку в щёку. Вдвоём с куратором уселись в торце стола. Агата почувствовала быстрое лёгкое прикосновение – похоже, Игорь примеривался, сможет ли в любой момент дотронуться до её руки. Щурясь, она разглядывала приближавшегося мужчину: широкий, в тёмном, похожем на военную форму, костюме. Тот сел за стол, положил перед собой аккуратную стопку листков, выровнял её ладонями и оглядел всех. Пепельные волосы коротко подстрижены, глаза синие, очень спокойные – такие называют непроницаемыми.

– Ещё раз добрый день, – сказал ровно. – Разрешите представиться.

А если не разрешать? Хотя такому вряд ли что не решишь.

– Валентин Констанц, исполняющий обязанности начальника СКМ.

Он отложил один листок. Наверное, записал всё по порядку, как на карточках для запоминания иностранных слов: лист первый – поздороваться, лист второй – представиться. Чтобы не улыбнуться, Агата посмотрела на остальных. Бабушка глядела на Констанца, поджав губы. Шрюдер подпёр щёку кулаком и даже, кажется, не моргал, словно боялся пропустить что-то интересное. Келдыш внимательно рассматривал потолок. Женщина, встретившись глазами с Агатой, как-то странно дёрнулась, опустила взгляд и чиркнула в своем блокноте – галочку поставила, что ли?

– Всем вам известен инцидент, произошедший некоторое время назад. Меня не могло не заинтересовать одно из центральных действующих лиц. Которое, к тому же, ещё и носит столь знаменитую фамилию.

Это он о ней так... витиевато?

– Спасибо прежнему руководителю СКМ: все обследования, доклады, отчёты и предварительные выводы по Агате Мортимер собраны и систематизированы.

Интересно, что там за выводы? Агата вытянула шею, хотя с её места и с её зрением ничего, конечно, не увидишь. Может, попросить у Шрюдера взглянуть одним глазком? Или теперь надо просить уже Констанца?

Валентин тем временем взял третий листок.

– Меня заинтересовала записка, в которой были предложены вполне разумные, на мой взгляд, меры по обеспечению безопасности и наилучшего развития объекта. Автор настаивал на том, чтобы ему разрешили занять должность куратора при Агате Мортимер.

Все дружно взглянули на Келдыша: тот по-прежнему смотрел в потолок. Констанц отложил лист во вторую стопку. Выровнял и её.

– Эта записка датирована числом четырёхмесячной давности. Мне непонятно, почему до сих пор не предприняты предложенные меры.

Он глянул в сторону, вернее, *поверх* Шрюдера. Тот отозвался, не меняя позы – из-за этого его слова были не очень внятными:

– Предприняты, предприняты: прикреплѐн куратор, Агата проходит обучение в специнтернате...

– Этого явно недостаточно, – Констанц посмотрел на следующий лист. – Обратите внимание, что произошло за эти несколько месяцев: нападение на Ловца, похищение девочки, разрушение Котла, смерть Инквизитора. И ещё – конечно, не столь масштабный, но всё же достаточно неприятный для всех эпизод – столкновение с членами Сообщества. Вы потеряли контроль. – Констанц повернулся к Игорю: – Вы тоже.

Келдыш чуть-чуть склонил голову – то ли соглашаясь, то ли желая что-то получше разглядеть на потолке. Агата на всякий случай посмотрела тоже: потолок как потолок, никаких тебе огненных писем и падающих звѐзд. От СКМ она ожидала большего. Даже скучно как-то. Если б сюда вошел обычный человек, он бы и не понял, где находится. Или такого впечатления и добивались?

– И ещё, – Констанц постучал пальцем по следующему листку. – Меня совершенно не удовлетворяет поставленный диагноз.

Бабушка продолжала пристально смотреть на Констанца. Не смотреть даже – *взирать*.

– Я и не знала, – произнесла ледяным тоном, – что моя внучка страдает каким-то редким заболеванием. Просветите же нас!

Валентин легонько кашлянул.

– Вероятно, я неудачно сформулировал свою мысль, мадам. Я имел в виду исключительно классификацию магии, которой обладает ваша внучка.

Сказал бы уже честно – НЕ обладает!

– Но-о, – начал Шрюдер, – ведь Андрэ же говорил...

И вдруг умолк.

– Вот именно, – невыразительно подтвердил Констанц. – Андрей Дорэ. Преступник. Маньяк. И вы до сих пор продолжаете его заключению верить? Странно, очень странно...

Агата поглядела на бабушку. Что такое? Она уже немного привыкла к своей «мерцающей» магии – хоть какое-то объяснение всему тому, что с ней творится.

– А как бы вы сами классифицировали эту магию? – неожиданно спросил Келдыш. Он бросил изучать потолок – наверное, успел уже сосчитать на нём каждую трещинку и каждое пятнышко – и соизволил, наконец, обратить внимание на своё новое начальство.

Констанц, не поднимая глаз от «карточек», повёл в его сторону мощным подбородком.

– Именно это нам и предстоит выяснить. Проведя анализ собранных данных, я пришёл к выводу, что объект всё-таки в состоянии контролировать свою силу – в чрезвычайных ситуациях. Как то: столкновение с вампирской порослью, столкновение с Инквизитором, излечение сокурника...

– В последнем случае была задействована не только магия Мортимер, но и ещё пятерых человек, – перебил Игорь. – Моя, в том числе.

Констанц опять мотнул подбородком. На этот раз недовольно.

– Благодарю за уточнение, Ловец Келдыш, но мне бы хотелось, чтобы вы соблюдали субординацию и отвечали только тогда, когда вам задают вопросы...

– Но вы же никого ни о чём не спрашиваете! – вырвалось у Агаты.

Валентин помолчал, думая, наверно, как призвать к дисциплине и её. Не придумал – продолжил, словно его никто не прерывал:

– То, что куратор *самолучно*, не поставив в известность вышестоящее командование (он так и сказал – *командование!* – и правда бывший военный), принял участие в неотработанном и, возможно, опасном для жизни детей, так называемом лечении, только доказывает мою мысль: вы все утратили КОНТРОЛЬ.

Констанц обвёл провинившихся бесстрастным взглядом и вновь отложил листок.

Наверное, самое худшее в Службе Контроля над Магией – утратить этот самый контроль. Но как можно проконтролировать то, чего попросту нет? Или не существует большую часть времени?

– А какие, какие у тебя предложения, Валентин? – точно услышал её мысли Шрюдер.

– Большинство предложений, изложенных... – Констанц постучал пальцем по меньшей стопочке листков, – представляются мне вполне разумными. Я согласен и с рекомендациями комиссии. Девочку необходимо тщательно обследовать.

– Чем мы и занимаемся!

– Не то. Все эти замеры и обследования после исчезновения магии, так сказать «постфактум», совершенно бессмысленны. Я хочу представить вам доктора наук Нону Осипенко, сотрудника Института Магических Феноменов.

Женщина захлопнула блокнотик и кивнула. Сказала, глядя главным образом на Лидию:

– Очень рада с вами познакомиться. Последние три года я возглавляю лабораторию по изучению магических феноменов...

– Как то?.. – спросил подавшийся вперёд Келдыш. К Ноне он проявил гораздо больший интерес, чем к собственному... командованию.

Агата поправила очки – «навела резкость», как говорит Стефи. Светлые волосы подстрижены шапочкой, глаза тоже светлые, большие, но красивыми почему-то не кажутся. Она заметила привычку Осипенко после каждой фразы поджимать губы, словно ставить таким образом точку. Белая рубашка, очень длинные ногти, покрытые аккуратным бежевым лаком. Агата поглядела на свои и поспешно сжала пальцы в кулаки. А потом и вовсе спрятала под стол. Сегодня же обработает и покрасит, у Стефи этих лаков полтумбочки. Если не забудет, конечно.

Осипенко не стала одёргивать Игоря, как Констанц, отвечала охотно:

– Могу перечислить самые интересные случаи, с которыми мне довелось работать...

Может, они и были интересными, только Агата ничего в них не понимала. Не то, что остальные: все слушали внимательно, Шрюдер и кивал ещё.

– ...вампир, искусственно инициированный в Научно-исследовательском Центре Экспериментальной Магии в провинции Кобуци...

Агата даже вздрогнула:

– Анжелика?

Женщина тут же умолкла, уставившись на неё, словно ожидая продолжения. Агата нервно ей улыбнулась. Осипенко вновь посмотрела на бабушку.

– Как видите, нам уже приходилось сталкиваться с различными сложными случаями, но я счастлива и горда оказанным мне сейчас доверием. Для меня будет большим удовольствием сотрудничать с вами, Лидия Аркадьевна.

Агате эти слова показались какими-то неправильными... фальшивыми. Но остальным понравилось, вон даже бабушка кивнула благосклонно.

– Мы можем ознакомиться с вашей методикой и планом исследований?

– О, разумеется! Но сначала я хотела бы поближе познакомиться с Агатой. Вы согласны?

Хочет познакомиться с ней, а спрашивает почему-то бабушку... Лидия вновь кивнула и вопросительно посмотрела на Игоря.

– Прежде чем вымогать разрешение, не лучше сначала обнародовать ваши методы? – его голос прозвучал так резко и неожиданно среди этого всеобщего согласия, что все растерялись. Осипенко – тоже. Вопросительно обернулась к начальнику.

Тот произнёс ровно:

– А вашего разрешения и не требуется, Ловец. Достаточно согласия законного опекуна, Лидии Мортимер. Вы как сотрудник СКМ подчиняетесь приказам. Тем более что я сомневаюсь в целесообразности вашего дальнейшего пребывания в должности куратора.

– Вернулись к нашим баранам, – пробормотал Келдыш. – Или ослам?

– Вы можете спросить меня об основаниях. Я их перечислю. Первое – незаконное и несанкционированное посещение Слухача. Второе – неполный и несвоевременный доклад о вердикте. Основание третье – вы позволили объекту прыгнуть в Котел.

– Где-то я это уже слышал...

– Как вы – маг высшей категории, молодой, тренированный мужчина – не смогли совладать с девочкой, не имеющей на тот момент никакой магической силы?!

– Значит, нападение на Инквизитора мне пока не инкриминируют? И на том спасибо.

– Оставьте свои иронические замечания при себе, Ловец!

Агата занервничала. Одно дело, когда Келдыш хотел отказаться от кураторства сам, другое – когда его наказывают непонятно за какие провинности. Интересно, как бы он сумел удержать её на краю Котла? За ногу схватил бы, что ли?

Агата осторожно потрясла поднятой рукой – точно просилась отвечать к доске.

– Извините, пожалуйста, а почему всё решают за меня?

Констанц посмотрел с удивлением, как будто не ожидал, что она вообще умеет говорить. Осипенко тут же нацелилась ручкой в блокнот: собралась конспектировать её слова, что ли?

– Потому что ты ещё несовершеннолетняя...

– У меня паспорт есть!

– ...и за тебя пока что отвечают взрослые.

– То есть я могу уже устраиваться на работу, меня могут судить за какое-нибудь преступление – а советоваться со мной насчёт меня же совсем необязательно?

Агата с ужасом услышала, как начинает дрожать её голос – скажут, маленькая девочка, ты расплачься ещё! Но если она сейчас остановится, всё будет кончено: Келдыша уволят, а её отправят к этой... научной тётке.

– Сначала, не спросясь, мне навязали куратора, теперь, не спросясь, его убирают... А, может, я вообще не хочу никаких ваших обследований и экспериментов?

– Девочка, – сказал Констанц равнодушно, – это – вопрос безопасности не только волшебного сообщества. Если ты не захочешь сотрудничать добровольно, тебя заставят.

Агата выпятила нижнюю губу:

– А вы попробуйте, заставьте!

Бабушка шевельнулась, но ничего не сказала. Агата старалась вообще на неё не смотреть. Почувствовала прикосновение к своему локтю: *спасибо*, сказал Келдыш, *но угмонитесь уже, хватит*. Она глянула через плечо. У Игоря смеялись глаза. Отворачиваясь, перехватила цепкий взгляд Осипенко – та внимательно наблюдала за ними. Пометила что-то в своём блокноте и предложила Констанцу:

– Если для Агаты это так важно, может, примем компромиссное решение?

– То есть?

– Оставим – на соответствующих условиях – прежнего куратора, а Агата взамен обещает не препятствовать нашим обследованиям и экспериментам.

Её губы сжались – точка.

Валентин выровнял обе стопки бумаг. Сказал, помолчав:

– Но только до первого нарушения, Ловец! Я знаю, что вы ещё не в состоянии полноценно заниматься оперативной работой, но с написанием отчётов – без умалчиваний! – вполне справитесь. Итак? Агата?

Теперь все смотрели на неё. Глаза Келдыша больше не смеялись, но он не делал ей никаких подсказок – лишь исподлобья смотрел на невозмутимого Констанца. Агата медленно соображала: кажется, или она только что сама себя загнала в ловушку? Вот это и называется компромиссом? Больше похоже на шантаж!

Она медленно кивнула, и Осипенко громко захлопнула блокнот – точно поймала в него доверчивую муху по имени Агата.

– Хотелось бы приступить к работе как можно скорее!

А она так совершенно не торопится...

– Да, но не в ущерб же образованию! – возразила бабушка. – В школе сейчас начинаются годовые экзамены. Давайте подождём летних каникул.

– Час в день с обязательной доставкой транспортом туда-обратно, – быстро сказала Осипенко. – Пока этого вполне достаточно.

– Ну что ж... хорошо, договорились, – опёршись рукой о стол, бабушка встала. Мужчины поднялись тоже.

– Всего хорошего, я тут ещё немного задержусь, – Шрюдер по привычке сам проводил их до двери. Новый начальник тем временем собирал свои «памятки». В первой стопке оставалось ещё много листков – интересно, что же там было?

Осипенко смотрела на них.

На Агату.

Лидии, идущей по коридору, встречные без раздумий уступали дорогу. Надо и ей тоже как-то вырабатывать такую походку, а то все

смотрят сквозь. Хорошо ещё, не пытаются усесться на стул, на котором она уже сидит.

Трое вышли из здания. Келдыш неожиданно отстранил Агату и шагнул к бабушке:

– Но вы-то, официальный опекун, почему молчали?!

Агата опешила. Лидия тоже.

– В чём дело, Ловец? По-моему, всё разрешилось к вашему благополучию. Скажите спасибо моей внучке.

Келдыш не то удивился, не то не поверил:

– Вы что, не поняли? В самом деле – не поняли?

– Что именно я должна была понять?

– Что говорил Констанц и эта... – Игорь подавился каким-то словом. Явно ругательным. – «Все обследования проводились *после* случившегося!» Чтобы добиться возвращения магии, они собираются проводить эксперименты, которые будут угрожать здоровью – а то и жизни – вашей внучки!

Пауза. Агата испуганно переводила взгляд с него на бабушку. Лидия начала качать головой:

– Параноик. Вы всё-таки параноик, Келдыш. Вас постоянно кидает из крайности в крайность.

– Неужели?

– Не вздумайте где-нибудь ещё озвучить эти ваши домыслы. Не надо никого раздражать. Они и так могут в любой момент отобрать её, не понимаю, почему до сих пор этого не сделали.

– Не кокетничайте! – сквозь зубы сказал Келдыш, открывая перед ней дверцу машины. – Всё вы прекрасно понимаете – из-за вас.

Агата залезла на заднее сиденье, оглядела салон. Для такой крутой организации машины тоже какие-то... Келдыш перехватил её взгляд.

– Неказистый внешний вид часто скрывает большие возможности.

– Прямо как у меня, – пробормотала Агата. Сказала бабушке в спину: – Мне эта Осипенко тоже не понравилась.

– Привыкай, в жизни будут встречаться не только приятные люди. Надо учиться налаживать отношения и с ними.

Келдыш закатил глаза, и машина тронулась.

– Интернат, – объявил водитель.

– Не забудь, у тебя завтра алгебра, – напутствовала бабушка. – Повтори формулы и ляг пораньше, выспись хорошенько.

– Угу.

Келдыш придерживал для Агаты дверь машины. Наконец-то решившись, она, вылезая, дотронулась до его руки с крисом. Игорь дёрнулся, отстранившись.

Последняя ночь полнолуния, вы придёте?

– До свидания, – вежливо сказал Келдыш.

Не ответил. Не придёт... он не придёт... он не хочет...

Быстрое касание – словно вдогонку, словно Игорь резко передумал.
Приду.

Глава 3

Прогулка. Больше чем секс

Агата несколько раз честно пыталась сесть и повторить правила, но столько же раз и соскакивала. Переставала видеть формулы, едва утыкалась в учебник – просто тарасилась на страницу, вспоминая и вспоминая: поджатые губы Осипенко; вы параноик, Келдыш; неужели вы не поняли, в самом деле не поняли; я приду... Агата в очередной раз подскочила и побежала разыскивать выход на крышу – должны же они как-то туда попасть? Но на люке, ведущем на чердак, висел увесистый замок, ещё и наверняка заговоренный. Агата, расстроенная, вернулась в комнату.

Стефи подняла голову от учебников, которые разложила вокруг себя на кровати.

– Как определить возраст единорога?

Мне бы твои проблемы, чуть не сказала Агата. Честно подумала.

– Наверное, спилить у него рог и посчитать кольца. Как у дерева, понимаешь?

Стефи, шевеля губами, смотрела на неё диким взглядом. Повторила задумчиво:

– Спилить рог... – и спохватилась: – Ой, да ты же вообще ничего не знаешь!

Даже это сейчас не задело. Агата так не волновалась, наверное, и перед Большим Школьным Балом с Вудом. Кажется, даже температура поднялась. Если она так трясётся от обычной... хм, обычной?... прогулки по крышам, то что же будет, когда она пойдёт на настоящее свидание?!

Ведь у них же с Келдышем не свидание?

С его стороны – точно.

Она с трудом отговорила Стефи учить магическую зоологию ещё и ночью: мало того, что перед смертью не надышишься, так ещё и их прогулке помешает!

– Ой, думаешь, я усну? – ныла Стефи, складывая учебники стопкой у кровати – наверное, надеялась, что они и во сне окажут на неё обучающее влияние. – Три хи-хи! Знаешь, Горыновна какой сама зверь на экзаменах? Валит каждого второго!

– Ты будешь первой, – утешила Агата.

– Ой, конечно, тебе-то хорошо, какая-то алгебра! Я всё равно не усну, так нервничаю...

И, договаривая, уже крепко спала. Агата переждала контрольный визит воспитательницы – из-за экзаменов им разрешили гасить свет не в десять, а в одиннадцать – тихонько открыла окно и села на подоконник. Запоздало подумала: а ведь они не договорились, когда и откуда Келдыш появится. Сумеет ли он одолеть заговоренную ограду? Правда, говорят, та заговорена больше изнутри – от особо талантливых учеников – чем от проникновения снаружи.

Часы внизу, в холле, пробили полночь. Агата встрепенулась, вглядываясь в темноту парка. Никого нет. Полпервого... А вдруг он и не придёт вовсе? А она сидит, как дура, и ждёт, и ждёт.

Мог бы тогда и позвонить.

Но вот не позвонил. И не пришёл...

– Доброй ночи, – сказали мягко над самым ухом. Агата дёрнулась, едва не опрокинувшись назад, в комнату, – хорошо, Келдыш придержал её за плечо. А, может, сам придержался, чтобы не упасть, когда ступал на подоконник.

– А как вы?..

Игорь показал пальцем себе за спину.

– По пожарной лестнице. Или вы думали, что я подплыву к вашему окну на ковре-самолёте?

Наклонился, держась за раму окна, заглянул в комнату. Осмотрел завалы тетрадок и учебников. Хмыкнул:

– Чистенько...

Зашевелилась Стефи. Спросила невнятно:

– Агат, ты...

Игорь поспешно махнул на неё рукой, пробормотав что-то. Стефи снова засопела. Келдыш глянул на Агату – почти виновато.

– Чуть не проснулась... Идёмте.

Что, прямо в окно? Агата поглядела вниз.

– Нет, – сказал Келдыш, – для начала на лестницу.

Всё чаще кажется, что куратор читает её мысли даже без кольца! С его помощью Агата перебралась на лестницу и полезла на крышу. Забираться-то тут – всего один этаж и чердак. Келдыш мягко прошёлся по плоской, устланной чёрным толем крыше. Луна посматривала на них свысока – тоже, наверное, раздумывала, стоит ли им помогать сегодня. Ведь Игорь даже приходит не собиравшись, передумал почему-то...

– Ну и как мы? – спросила Агата, показывая на крыши ближайших домов, едва видневшихся за верхушками деревьев интернатского парка. – Так далеко!

– Расстояние не имеет значения.

– Правда? А что имеет?

– Насколько партнёры по прогулкам друг другу доверяют.

А они партнёры?

Агата раньше никогда не замечала, что полная луна даёт столько света, заглушая и фонари, и редко освещённые окна. Казалось, этот свет ощутим, как лучи солнца – только не нагревает, а охлаждает кожу.

Глаза Келдыша точно серебром залиты.

– Вы верите, что я не дам вам упасть?

– Да, конечно. А... вы?

Крошечная пауза.

– Теперь – да. Давайте руку и идём. Нас уже ждут.

Рефлекторное ожидание падения, замершее дыхание; внезапный ветер в лицо, разметающий волосы; твёрдая рука, сжимающая её ладонь («я – держу»). А над всем этим – круглая, яркая, насмешливая луна...

Борис с Анжеликой ожидали на крыше театра. Келдыш коротко рассказал им про посещение СКМ.

– Осипенко? – переспросила негромко Анжелика.

– Вы её знаете?

Анжелика поёжилась, вздёрнув тонкие плечи.

– Она со мной тоже... работала.

Мечтательно глядя на луну, Борис сообщил:

– Есть у меня список людей, которых бы мне хотелось покусать.

Осипенко в нём в первых пунктах.

Келдыш смотрел то на него, то на Анжелику.

– То есть?

– Она профессионал, – сказала Анжелика.

И что тут ужасного, это же похвала? Но у Келдыша дёрнулся рот, когда Анжелика добавила:

– Вы тоже таким... были.

– Это комплимент или наоборот? – сухо поинтересовался Келдыш.

– Это простая констатация фактов, – ответила Анжелика. Они обменялись долгими взглядами, и Игорь отвернулся. Что-то и эти двое не ладят...

А вообще все суетятся ни из-за чего. Никто же не собирается её никуда забирать и запирать, пообследуют пару месяцев, и отпустят. Может, ещё и научат, как справляться с бестолковой магией. Хотя, конечно, очень приятно, что Игорь за неё волнуется!

Агата пошла по парапету, для верности расставив руки. Заглянула вниз. После путешествия по крышам она всё ещё ощущала себя лёгкой, точно пёрышко; чуть подуй ветерок – взвьётся-взлетит прямо вверх по лунному свету.

– Погуляем все вместе?

– Нет! – сказал Келдыш – так резко, что она растерялась.

Борис, усмехнувшись, тоже качнул головой.

– Пожалуй, не стоит.

Раньше так сам приходил, предлагал, а теперь... Пожав плечами, Агата отвернулась. Ну и подумает!

– Я постараюсь разузнать побольше, – услышала она голос Бориса.

– Ты понимаешь, что наши действия незаконны?

– Ох, как же ты меня удивил!

Лёгкое прикосновение к плечу. Холодное прикосновение.

– Не обижайся, – тихо сказала Анжелика. – Просто прогулки по крышам – это...

– Это что? – спросила Агата.

Слабая, еле заметная, точно мерцающая улыбка.

– Это больше чем секс.

Ох! Коготь Анжелики скользнул по её щеке.

– Пока, девочка.

– Пока, Агата!

– Пока...

Вампиры одновременно оттолкнулись от парапета. Миг, взмах, трепет призрачных крыльев – и мерцающая дымка растаяла в лунном свете.

– Идёмте, – сказал Келдыш нетерпеливо, протягивая Агате руку. – Мы припозднились. У вас ведь завтра, то есть, уже сегодня экзамен, ваша бабушка права, надо хоть немного поспать.

Наверное, во всём виноваты Анжеликины слова: Агата увернулась от руки куратора и просто шагнула с крыши театра. Полетела.

Но вниз.

Она ещё не успела ничего ни понять, ни испугаться, как земля оказалась рядом – прямо перед её лицом – а потом её резко вздёрнули вверх, да так, что все кости затрещали. Асфальт тяжело и больно ударил по пяткам, удар пронёсся по позвоночнику, отдался в затылке. Келдыш встряхнул её – сильно, больно. Прошипел:

– Что ж ты делаешь, а?! Жить надоело? Что...

Оттолкнул её и пошёл, прихрамывая, к дороге. Наверное, повредил ногу, когда приземлялся, взяв на себя вес обоих. Агата, точно собачка на поводке, поплелась следом. Как-то ниоткуда появилось такси – может, ходит специальное для уставших магов-полуночников? – злой Игорь нырнул на переднее сиденье, хлопнул дверью. Агата осторожно залезла на заднее и нахохлилась, глядя в окно. Она даже не испугалась. То есть гулять по крышам можно только парами? А если она пойдёт одна, то непременно, как сейчас, упадёт? Открыла рот, поглядела в напряжённый затылок Келдыша и решила повременить – пусть куратор успокоится.

Пошла было к воротам интерната, но Келдыш ухватил её за рукав.

– Собираетесь вот так запросто подойти к охраннику: «Пустите, пожалуйста, я вернулась с прогулки по крышам»?

Повёл её в обход ограды. Оглядел совершенно пустую улочку и взялся за прутья обеими руками. Представилось, что сейчас он, как какой-нибудь супермен, просто раздвинет их... Что-то щёлкнуло, и в руке Игоря оказался металлический стержень.

– Ого! А как?..

– Один прут вставной, фальшивый. И не смотрите на меня с таким восторгом, я не выпиливал его тёмной дождливой ночью! Этот секретный вход передаётся у интернатовцев из поколения в поколение. Секрет Полишинеля. Знаете, что это такое?

– Секрет, который всем известен. А вы откуда про него знаете?

– Вперёд, хватит болтать!

Агата протиснулась, прикидывая, не застрянет ли здесь толстенькая Люси, сделали бы уж тогда сразу пошире, что ли... Щелчок: прут встал на место. Агата подёргала его, потолкала, сверху, снизу – бесполезно. Может, при открытии секретного входа Келдыш читал про себя какое-то заклинание? Куратор смотрел на неё из-за ограды.

– Идите спать.

– Спокойной ночи, – машинально отозвалась Агата. Игорь хмыкнул, и они одновременно посмотрели на светяющееся небо.

– Мы ещё поговорим! – пообещал куратор с угрозой.

– О чём?

– О том, с какой стати вы вдруг сиганули от меня с крыши! А что до этого... – он похлопал ладонью по решётке. – Я тоже когда-то учился в этом интернате. Тогда директором был ещё не Божевич.

– Вы-ы?! Учились здесь?

– Я-а-а, – передразнил он. – Был кем-то вроде вашего Димитрова...

– Он не мой! – быстро отказалась Агата, Келдыш точно не услышал.

– ...неуправляемым Огневином.

– А что, а как вы...

– Всё, Мортимер, проваливайте, – сказал Келдыш нетерпеливо. – Я устал до чёртиков.

– А, – сказала Агата, сразу скиснув, – извините. До свидания.

Отмахнувшись, Игорь похромал прочь. Агата провожала его глазами, пока он не скрылся за углом дома. Подёргала прут (тот даже не шелохнулся) и нехотя побрела по парку к своему окну. То есть, к своей пожарной лестнице.

Кажется, с прогулками по крышам покончено...

Глава 4

Призрачное крыло

Алгебру она сдала на «отлично». Хорошо, что была полусонная, а то б начала проверять и сомневаться, и наверняка бы наделала дурацких исправлений.

Радостная Стефи (она получила за магзоологию «хорька») на время позабыла, что через несколько дней у неё экзамен по Стихиям, и теперь бегала по комнате, сочиняя объявление о знакомстве в университетскую студенческую газету «Волшебная жизнь».

– Юная ведьма из хорошей семьи...

– Какое ему дело до твоей семьи, – справедливо заметила Агата. – Он же не жениться на тебе собирается!

– Ну тогда так: симпатичная ведьма...

– ...шестнадцати лет...

– Ой, нет! – испугалась Стефи. – Нельзя говорить, что я ещё учусь в интернате! Студенты Академии не встречаются со школьницами, я узнавала.

– А что ты ему тогда скажешь?

– Скажу, из маг-колледжа, в следующем году поступаю в Академию...

– Стефка, ну зачем тебе какие-то объявления? Ты и так успехом пользуешься!

Стефи мимоходом полюбовалась на себя в зеркало. Светлые её волосы блестели и струились по спине и плечам. А вот Агате ни магия, ни бигуди, ни фены не помогают: волосы, как торчали, куда хотели, так и торчат.

– Лишних парней не бывает, – поучающе заметила Стефи. – Да и вообще, что мне делать на каникулах? Хоть на танцы будет с кем сходить! Вот ты, например, всегда можешь пойти куда-нибудь со своим Игорем, а я...

Агата попыталась представить, как Келдыш приглашает её в какой-нибудь ночной клуб или ресторан... Да, пожалуй, и ей пора давать объявление в студгазету!

Позвонила бабушка:

– Как там твоя алгебра?

– Послезавтра скажут.

– Но сама-то ты как думаешь?

– Ну... три задачи решила правильно.

– А остальные?!

– *Абсолютно* правильно!

– Вот и отлично! Собирайся, сегодня едем в ИМФ, посмотрим, что там и как.

– А может...

– Никаких «может»! Агата, делай, что я говорю! Не слушай ты Келдыша, не следует идти на ненужный конфликт! Так и волки будут сыты и овцы целы.

Бе-е-едная овечка по имени Агатка...

– Подожди-ка, – бабушка придержала её за локоть у входа в Институт Магических Феноменов. Подняв голову, внимательно вглядывалась в какую-то карту на высокой резной деревянной двери: карта походила на громадную, местами облезшую переводную картинку.

– Вам требуется проводник? – спросила дверь. Агата завертела головой: наверное, где-то сидит охранник и смотрит в камеру. Или у них тут всё по-другому устроено?

– Нет, спасибо, мы справимся сами. Маршрут до второго уровня, лаборатория тринадцать, пожалуйста...

«Переводная картинка» мигнула и превратилась в схему, по которой медленно ползла мигающая стрелочка. Бабушка, кивая, шевелила губами – заучивала повороты, что ли?

– Теперь идём, только не отставай.

Дверь открылась бесшумно. Вообще-то она должна была отвориться с душераздирающим скрипом, как и полагается в зловещем, полном привидений замке, потому что внутри ИМФ было очень темно, пусто и даже как-то заброшенно. Агата поглядела вверх и сбилась с шага: так высоко, что и потолка не видно.

– Агата, я же сказала не отставать! – нетерпеливо окликнула бабушка. Бодро постукивая каблучками, она уверенно шагала по тёмному и извилистому, как тропинка в лесу, коридору. – Запомни – в коридорах лучше лишний раз не задерживаться. И всегда пользуйся схемой или проси себе проводника. Если ты утром вошла в Институт, нет никакой гарантии, что выйдешь тем же путём.

– Как это?

– Коридоры тут немного... живые. Издержки экспериментальной магии.

Озираясь, Агата поспешно догнала её.

– А где все?

– На работе в своих лабораториях, конечно, – бабушка указала на редкие двери, мимо которых они проходили. – Но если тебя не приглашали и не выдали никакой защиты, туда тоже лучше не соваться.

Белая пластиковая дверь лаборатории за номером тринадцать гостеприимно распахнулась перед ними.

– Добрый день, Лидия Аркадьевна. Добрый день, Агата. Рада вас видеть. Заходите, мы вас давно ждём.

– Лаборатория повышенной защиты? – иронически спросила бабушка.

Осипенко улыбнулась.

– Но вы же прекрасно понимаете необходимость этого?

...Агата быстро заскучала. Мрачные предсказания Келдыша всё-таки её напугали. Но ничего особенного «в лаборатории повышенной защиты» не происходило: всё та же с детства знакомая процедура МС-проверки, тесты, вопросы-ответы... Лаборатория была просторной и почему-то напоминала саму Осипенко – бесцветная, или правильнее будет сказать стерильная? В большие окна смотрело соседнее кирпичное здание; окон там было мало, окна были узкие, и оттого казалось, что здание подслеповато шуруется, пытаясь разглядеть людей в доме напротив. Два молчаливых лаборанта, мужчина и женщина в тёмно-синих балахонах-халатах, копошились за длинным столом. Исподтишка рассматривали гостей – наверное, начальница предупредила, какой к ним сегодня прибудет... феномен.

Осипенко любезно проводила их до выхода из Института. Очутившись на улице, Агата прищурилась на солнце. Пейзаж вокруг какой-то промышленный: серые здания почти сплошь без окон, пустая дорога, за ней – парапет и асфальтово-серая широкая река Сень. Дурацкое название. Всё здесь дурацкое. И машина, которая их ожидала – тоже. Старая, с пыльными номерами.

Бабушка оживлённо беседовала с Осипенко на неведомом языке: то есть, язык-то, конечно, был обычный, а вот термины, которыми они сыпали... Пары месяцев в интернате волшебников для перевода маловато. Агата послушала-послушала, заскучала и пошла вдоль здания ИМФ, разглядывая серые стены с широкими окнами и редкими запёртыми дверями на первом этаже.

Остановилась. Половина института была точно срезана плотным белым туманом – слегка колеблющийся, он принимал форму здания, как будто продолжал его. Призрачное продолжение... Редкие люди проходили мимо, не обращая на туман никакого внимания. Значит, так и должно быть; наверное, он наколдован, чтобы скрыть какую-то тайну. Попробовать подойти поближе? Там по-прежнему продолжается здание или в тумане прячется уже что-то другое?

У неё за спиной завелась машина. Бабушкин голос:

– Садись, Агата.

Агата села и показала на туман.

– Это что у них такое?

– Это... – бабушка повернулась, провожая взглядом уплывающий назад туман. – Это тот же Институт. Просто его разрушенная половина.

– А что там, в тумане?

– Ничего. Даже развалин не осталось. Когда случилась... катастрофа, уцелела только часть корпуса. Ну, скажем, это призрачный слепок с разрушенного крыла здания. И он тоже постепенно исчезает. Туман с годами становится менее плотным.

– А давно это случилось?

Бабушка смотрела прямо перед собой.

– Около тринадцати лет назад.

Агата поглядела на её напряжённый затылок, поняла и резко обернулась. Туман вместе с Институтом постепенно заслоняли другие здания и заборы, мимо которых они проезжали. А ведь говорили, что *тот* Институт был разрушен...

– Значит, отсюда и пошла на город Магия?

– Да. Всё остальное отстроили, а с этим крылом пока ничего не могут поделывать. Тут столько времени проводились различные опыты и эксперименты, это просто не могло не сказаться...

Агата уже не слушала. Значит, вот здесь работали её родители. Лем. Ходили по «живым» коридорам. Смотрели в эти окна, ели в институтском буфете. Может, ещё и вместе с Ноной. А что, по возрасту подходит! Если попросить Осипенко рассказать – ответит или нет?

Вот Келдыш, например, очень неохотно говорит о прошлом.

Глава 5

Лаборатория сна. Алая арка

Одно из направлений работы её лаборатории, сказала Осипенко – исследование сновидений. Сонмология относится к наукам, которые лежат на стыке науки, психологии и... магии. При чём здесь магия? А разве то, что человек может научиться управлять своими снами, а через них – событиями в реальной жизни – не волшебство? Или предсказание грядущих событий, так называемое «дежавю»? Ведь все эти события и места мы когда-то видели во сне, но позабыли. А погружение в прошлое, когда мы способны увидеть, кем были в предыдущих жизнях? Во сне люди выпускают на свободу силы и чувства, которые днём держат под жёстким контролем или даже не замечают.

Так что, сказала доктор магических наук, она будет работать с Агатой именно во сне.

То есть как это? Она должна придти в ИМФ, лечь на кушетку и заснуть? Просто какой-то сончас для детсадовцев! Агата честно предупредила, что с трудом засыпает днём, да и вообще «сова» от рождения. А ставить снотворное себе не даст – хватило ей укола Лема, от которого она проспала половину суток. И вообще, ей не нравится, когда она спит, а вокруг ходят незнакомые люди... И магия на неё не действует, продолжала Агата, укладываясь на кушетку. Кушетка оказалась очень удобной –

ни твёрдая, ни мягкая – в самый раз. Тут Агата вспомнила, что не выпалась, потому что Стефи полночи трещала про суперпарня, с которым вчера познакомилась. Она всё время знакомится только с «суперами»: кажется, те просто пасутся возле интернета в ожидании, когда же Стефани на них наткнётся. А вот её, Агату, они не замечают.

Или она их?

– Давай поговорим о твоих снах, – предложила Осипенко.

– Говорите, – согласилась Агата.

– Снятся ли тебе когда-нибудь кошмары?

– Да.

– Как часто?

– Сейчас почти постоянно.

– Что именно: пожар, падения, погони?..

– Инквизитор.

Осипенко моргнула. Глаза у неё большие, а ресницы хоть и длинные, но редкие. Поэтому кажется, что моргает большая сова.

– Инквизитор?

– Главный Инквизитор часто снится. Как он смотрит на меня, когда... ну, вы знаете.

Осипенко сжала губы, точно пытаюсь удержать рвущиеся наружу слова – или всё-таки мысленно произнесла их и поставила точку. Неизвестно как, но Агата поняла одну вещь: Инквизитор был одним из НИХ. Если б он попытался лишить магии кого-то из волшебников, это бы считалось преступлением, и его за это наказали. То, что он напал на интернатовцев – конечно, тоже «не есть хорошо», – но вот Агата, неизвестно откуда взявшаяся и неизвестно каким боком к волшебникам примазавшаяся, не имела права делать с ним то... что сделала.

Даже если она этого не делала.

Нона заглянула в свой неразлучный блокнот. Перелистнула страницы.

– Я нашла записи твоего школьного психолога: «Навязчивый кошмар преследует с самого раннего детства: в темноте чудятся серые тени». Это всё ещё продолжается?

Агата твёрдо встретила её взгляд.

– Нет. После Котла – ни разу.

– Может, ты боишься каких-нибудь насекомых, животных, змей?

Агата пожала плечами:

– Да вроде бы нет... не особенно.

– Высоты, воды, огня?

– Ну уж точно не высоты! – Осипенко не поняла, почему она рассмеялась. Доктор магических наук хочет выяснить все её страхи? Агата-то знает – боится, что умрёт бабушка.

И что однажды уйдёт Келдыш.

Нет, про Игоря она не скажет.

Не ей, точно.

– Агата, мне кажется, ты слишком напряжена и насторожена, – заметила Осипенко. – Поэтому наши исследования и топчутся пока на месте. Ты ведь не хочешь, чтобы они продлились все летние каникулы, нет? Я так и думала. Сейчас ты приляжешь и попробуешь уснуть. Будешь просто спать и видеть сны. Больше от тебя ничего не требуется. Поверь, многие бы из нас обрадовались возможности отдохнуть посреди рабочего дня. Мы прикрепим к твоим запястьям и лодыжкам датчики. В соседней комнате находится реципиент – маг, тоже погруженный в сон, который будет принимать твои сновидения...

– И он сможет увидеть мой сон?!

Осипенко улыбнулась. Снисходительно.

– Нет. Он будет лишь воспринимать твои эмоции и колебание твоей магии, если таковые будут. Только и всего.

– И как это вам поможет?

– О нас не беспокойся. Вообще ни о чём не беспокойся. Здесь ты в безопасности, так что можешь расслабиться и просто немного подремать. Только потом тебе придётся пересказать мне свой сон.

Даже неприличный – как она голая стоит посреди города?

– И никаких уколов, снотворных или какого-нибудь гипноза? – спросила Агата подозрительно.

– Боже мой, конечно, нет! Мы соблюдаем закон и профессиональную научную этику, что бы там ни внушал тебе куратор Келдыш.

К голове, рукам и ногам Агаты прикрепили датчики. Ещё один Осипенко прилепила ей на грудь: точно собралась снимать кардиограмму. Все провода тянулись и исчезали в перегородке – может, к спящему в соседней комнате реципиенту? Так когда-то приковывали цепями узников... Но ведь она может запросто снять эти датчики, если вдруг что-то не понравится? Когда Агата легла на спину, прямо перед её лицом появился слабо светящийся синий шарик. Она протянула руку – потрогать его – но шарик ловко отпрыгнул вверх.

– Агата, не мешай нам работать! – сказала Осипенко.

– А что это?

– Один из приборов. Хватит вопросов, мы и так уже много времени потеряли, закрывай глаза...

– Я не усну.

– Хорошо, тогда просто полежи с закрытыми глазами. Я выключу свет, чтобы он тебе не мешал.

Агата послушно закрыла глаза: и правда, как в детском саду! «Поворачиваемся на правый бочок, ручки под голову, глазки закрываем!» Но она уже выросла и никогда не спит днём...

Агата съехала в сон, точно по пологой длинной синей горке. Мимо и сверху неслись стены, снег, вода, разноцветные тучи, ветер раздувал её волосы, неожиданно тёмные, длинные и прямые, как не подстриженный конский хвост... Она летела и летела, а потом вдруг поняла, что впереди ожидает обрыв, чёрная пропасть. Скорость всё увеличивалась, а уцепиться было не за что, руки и ноги не слушались, она уже летела кувырком...

И Агата представила, что просто соскальзывает с обрыва в воду. Плюх! Вода была тёплой, янтарно-светлой, она видела сквозь неё рыб и свои шевелящиеся ноги. Плыла лениво, щурясь на яркое солнце, впереди её ждал весёлый зелёный берег...

Солнце вдруг погасло. Нет, не так – на солнце наложили чёрную плёнку – оно пробивалось сквозь эту плёнку еле-еле, мир потемнел и обесцветился. Стало холодно. Агата быстрее зашевелила руками-ногами, но встречное течение упорно отбрасывало её от берега прочь. Взметнулись мутные волны; летели на неё, несли и кружили, но Агата совершенно не боялась, зная, что её вынесут в безопасное место...

Они и вынесли – выбросили на песчаный берег, а когда Агата оглянулась, то и само море тоже превратилось в песчаные волны-барханы.

Пустыня ждала её: невозмутимая, красивая необычной мрачной красотой. А разве бывает красота обычной? Агата поднялась на ближайший бархан и очутилась перед высокой деревянно-резной, обвитой красной атласной лентой, аркой. Очень светло – казалось, что там нет ничего, кроме этого белого света. Агата шагнула под арку, краем глаза заметив шевеление: ленты начали ползти по арке спиралью, словно змеи по дереву. Очертания комнаты проступали медленно. Намёками, тенями, акварелью... Самым чётким было окно: высокое, узкое, составленное из цветных стекол-ромбиков. И человек в красном длинном плаще перед ним. Белые волосы забраны чёрным бархатным бантом в хвост, доходящий до лопаток. Агата ещё с любопытством оглядывалась, когда человек резко обернулся – красный плащ взлетел за его спиной, точно широкое единственное крыло.

Кто ты?

А ты? – спросила Агата.

Человек медленно шагнул вперёд – чёрные сощуренные глаза его бежали, как будто он её не видел.

Кто ты? – повторил мужчина. – *Покажись!*

Резко размахнулся, раскидывая перед собой какую-то пыльцу-порошок. Частишки порошка, попавшие на неё, замерцали зеленоватым светом.

Агата вытянула руки, повернулась, разглядывая себя: да она просто сияет! Теперь человек смотрел прямо на неё. Глаза его расширились.

Девушка? – спросил он. – *Ты девушка или демон? Откуда ты взялась? Как смогла попасть сюда?*

Сон становился всё занимательней и занимательней. Надо запомнить, рассказать потом... кому-то.

Куда – сюда?

Он протянул руку – и отдёргнул, почти коснувшись её светящихся пальцев.

Уходи. Уходи, пока можешь!

Почему?

Агата оглянулась вслед за его взглядом. Арка позади неё наливалась красным...

Быстрее!

Толчок в спину был самый настоящий.

Агата лежала на кушетке и смотрела на поднесённую к лицу руку. На пальцах медленно гасло зеленоватое свечение.

– Что тебе снилось?

Она вздрогнула от резкого голоса Осипенко. Та нависла над кушеткой, рядом стоял ещё какой-то мужчина. Агата завозилась и села.

– Ну... много чего.

– Я её потерял, – сказал мужчина, присев на край кушетки. – Так резко, словно защитную стену поставили, не пробьёшься. Она умеет контролировать свои сны? А защищаться?

– Господи боже мой, да ничего она ещё не умеет! – раздражённо откликнулась Осипенко.

Агата подумала и решила не обижаться – и правда, она умеет разве что с кошками разговаривать. А, может, среди магов это каждый второй умеет?

Осипенко сложила на груди руки.

– Итак, мы тебя слушаем!

– Ну, сначала я ехала по какой-то горке, потом сорвалась в пропасть, потом чуть не утонула в море...

– Это мы всё знаем! – Осипенко забарабанила пальцами по локтям. – Что тебе снилось потом?

– А... арка из красных лент посреди пустыни... за ней был человек... черноглазый, с белыми волосами... или в парике?.. в красном плаще...

Агата проследила за взглядами имэфовцев и открыла рот. В воздухе медленно кружилась и мерцала золотистая картинка: арка и маленький человек в красном. Под её изумлённым взглядом картинка

растаяла. У них здесь в ИМФ рассказ сопровождается голографическими иллюстрациями?

– Можешь добавлять детали поподробнее и почётче, – подмигнул мужчина. Это и есть её застенный реципиент? – Понятно, тебе приснились Агнус и его Алая арка. Вчера на ночь, наверное, «Легенды Магии» перечитывала?

– Нет, а кто такой этот Агнус? Дадите почитать? Интересно?

– Рассказывай всё в подробностях! – перебила доктор магических наук. Пока Агата добросовестно докладывала, Осипенко сверлила взглядом её лоб, точно пыталась увидеть сон прямо в агатиных мозгах.

– Юра, давайте-ка взглянем на последние записи Агнуса.

– Вы думаете?.. – мужчина вскочил с кушетки.

Агата с любопытством следила, как они разворачивают большой пожелтевший свиток, доставленный выдрессированными Осипенковскими лаборантами – казалось, те и говорить-то не умеют, а только выполнять распоряжения. Юрий водил пальцем по строчкам, бормоча:

– Ух ты, а это позавчера появилось... Интересный у него результат, хоть и методы, конечно...

– Юра, не отвлекайтесь!

– Угу... а это что? Нет, это мы уже видели... Ага, вот оно! «И был явлен мне то ли сон, то ли видение: девица в мужеской одежде беспрепятственно прошла через огненный рубеж моей Арки и спросила: "Кто ты?"»

Учёные оторвались от свитка и поглядели на Агату. Лаборанты тоже уставились. Агата осторожно всем улыбнулась.

– Ну да... всё так и было. А что это такое?

А оказалось это легендой, которую проходят на уроках волшебной истории младшие школьники, все, кроме неё, конечно. В средневековье некий могущественный маг по имени Агнус, преследуемый с одной стороны инквизицией, с другой – страждущими помощи волшебника, в отчаянье замкнул сам себя в своей алхимической лаборатории с помощью огненной Алой арки, сквозь которую никто не может войти... но и никто не может выйти (Хм, а в огнеупорных костюмах они не пробовали?). Будучи сильным магом, Агнус смог обеспечить себя питьём и пищей, ингредиентами для исследований и даже односторонней связью – записи его опытов и размышлений регулярно появляются в так называемом Свитке Агнуса, который территориально принадлежит столичному ИМФ.

– Так этот Агнус бессмертный?

– Нет, понимаешь... – Осипенко задумалась, как бы понятней объяснить невежественной подопытной. – Он замкнул себя и во

времени, то есть времени для него попросту не существует. Да, можно сказать, что Агнус вечный – как вечен и Магический Институт.

– Ваш ИМФ, – понятиливо кивнула Агата. И опять не угадала. Оказывается, имеется теория единого Магического Института, раскинувшегося во времени и в пространстве. Любой костерок, разведённый первобытным шаманом для принесения жертвы, любая средневековая лаборатория алхимика, любой современный магический полигон, – всё это Институт, непрерывно развивающийся и разрастающийся. Даже уничтоженный какой-либо катастрофой участок этого странного организма некоторое время продолжает существовать, подпитываемый постоянно прибывающей магией.

Агата ткнула пальцем – не уверена, что в нужную сторону:

– Как половина вашего ИМФ?

Осипенко кивнула.

– Да. Благодаря эху мортимеровской магии половина здания всё ещё существует, но не здесь, не в нашем материальном мире, и попасть туда не представляется возможным. До сих пор не представлялось.

Осипенковский оценивающий взгляд Агате не понравился. Но тут она вздрогнула.

– И тогда мама... она всё ещё может быть там... как бы жива?

Осипенко прищурилась.

– В некотором роде.

– И я... я могу её увидеть?

– Такая вероятность не исключена. Во всяком случае, ты можешь попробовать. С нашей помощью, разумеется.

По дороге в интернат Агата, конечно, поняла, что Осипенко специально подзадоривала, чтобы она не противилась экспериментам, чтобы у неё, как говорится, появился стимул сотрудничать. И всё же – представить только! – она сможет увидеть маму! Может, даже поговорить с ней...

Келдыш по телефону сказал, чтобы она не очень на это надеялась. Один сон – хм, сон? – ещё ничего не значит. Но Агата всё равно должна держать его в курсе.

«Легенды Магии» оказались и в интернатской библиотеке. Стефи заметила, что самое время в экзамены сказки читать, и уселась разрисовывать себе ногти.

Глава 6

Голем

На следующий день интернат спешно эвакуировали.

Воспитательница Валерия влетела в комнату, где Агата мирно учила иностранный язык (то и дело ненароком зависая над «Легендами»), гаркнула: «Бежим!» – и выволокла её прямо в халате и тапочках из здания. Школьники приникли к ограде уже снаружи, с улицы, с

жадным интересом наблюдая за родным интернатом. Оттуда то и дело выбегали по двое, по трое учащиеся, подгоняемые пастухами-охранниками. Агата пробралась через веселившуюся толпу к Стефи.

– Что там приключилось?

– Ой, обычный дурдом! Как экзамен по Стихиям, так вечная чрезвычайка! В этот раз наши отличились, – она кивнула на троицу из Земляных и Водяного. К ним то и дело кто-нибудь подходил, хлопал по плечу (или по голове – в зависимости от роста), и отпускал насмешливые замечания. Тоший Карл выглядел поникшим, Люси наблюдала за происходящим со спокойным ожиданием, а Зигфрид просто сиял оттого, что опять находится в центре событий и внимания. – Решили удивить всех преподав сразу: смастерили голема и притащили его на экзамен. А голем, не будь дураком, ка-ак припустит – только его и видели!

– Голем? – переспросила Агата, представляя себе громадную глиняную фигуру, бредущую по опустевшим коридорам интерната. Да уж, хорошо, что он не завернул к ним в комнату в гости на чаёк...

– Проволока – каркас, глина – тело, вода – кровь, а двигатель – огненная искра.

– Огненная? А кто...

Стефи фыркнула.

– Ну, Димитров у нас не единственный Огневик, ты же понимаешь! Просто самый сильный... был. Вон, Костина Юлька тоже с ними выпендрилась.

Из здания бодрой рысью выбежал Божевич, и интернатовцы оживились: неужели и директор удирает? Божевич приблизился к ограде, сразу отыскав взглядом незадачливых экзаменуемых.

– Ты, ты, ты и ты! Ко мне!

Школьники подтянулись любопытствующей толпой следом. Не обращая внимания на открытые рты, блестящие глаза и бесконечные комментарии учеников, директор навис над «отличившимися».

– Кто вкладывал задание в голема?

– Я! – бодро отрапортовал Водяной.

– Но придумывали мы все, – уточнила справедливая Люси.

Божевич раздражённо отмахнулся.

– Уточни-ка мне формулировку!

– Пройти по столу экзаменаторов.

– Вы указали направление, отрезок пути, скорость и время... этой э-э-э... прогулки?

Четвёрка переглянулась и красноречиво промолчала. Карл ещё больше втянул голову в плечи, долговязая Юля безуспешно попыталась спрятаться за спинами соратников.

– Не-а, а что, надо было? – удивился Зигфрид.

Директор протянул руку через решётку и отвесил ему звучный шелбан. Водяной не обиделся, потёр лоб и расцвёл – точно ему приз вручили.

Стефи, хихикая, объясняла Агате:

– Вложили в голем бумажку с нечётким заданием, он честно прошёлся по столу и дальше побежал. Так и бегаёт без остановки по всему зданию, представляешь? А преподавы – за ним.

Божевич глянул в их сторону.

– Надеюсь, Агата не принимала участия в создании куклы? Нет? Боже, какое счастье!

И уже не так поспешно направился обратно к зданию.

Голем был загнан в тупик возле чердачной лестницы и развеян по ветру. Но перед этим он до седьмого пота погонял преподавателей и воспитателей – видимо, от «родителей» ему досталось и знание всех переходов и поворотов сложной интернатской архитектуры. Отличившейся четвёрке поставили «хорошо» по Стихиям за удачное практическое воплощение теоретических знаний и «неуд» за незнание ОБМ – Основ безопасной магодеятельности.

– Если б наш голем успел пробраться на чердак, – сокрушался Зигфрид, – фиг бы его кто нашёл!

– Почему это? – спросила Агата, и глаза Водяного сделались узкими и хитрыми-хитрыми.

– А потому что, – громким шёпотом сообщил он, – там знаешь, что?

– Что?

– Там чёрная дыра! Или проход в другое измерение. И ещё там живут и копятя все вещи, наколдованные интернатовцами.

– А! – сказала Агата, ни капли не сомневаясь, что её разыгрывают. Как обычно новичка – пойдёшь туда, козлёночком станешь... А там уже сидят в засаде хихикающие старожилы, всегда готовые развлечься за твой счёт.

Но и Стефи передёрнула плечами:

– Ой, ну я бы точно на чердак не пошла! Ни ночью, ни белым днём. Директор даже раз в год вызывает туда дезактиваторов с СКМ. Те, правда, ходят со счётчиками по всему интернату; где магия зашкаливает, проводят зачистку. В прошлом году Маньке (она сейчас в Академию поступила) всю комнату разнесли. Они с соседкой знаешь, как развлекались? Вызовут джина, мелкого, правда, и давай ему вопросы задавать – мол, любит меня там Вася со второго курса, а если не любит, как заставить его полюбить? Джин после какого-то раза озверел и пошёл вразнос. Чуть полкрыла не выгорело!

Что-то это напоминает... Неужели волшебники так никогда и не вырастают?

Глава 7

Оборотень

Осипенко была занята и отправила Агату перекусить в буфет: «Сейчас как раз обеденный перерыв, коридоры не особенно активны, держись остальных сотрудников». Агата поспешно пристроилась в хвост проходящим мимо работникам ИМФ и чуть ли не на цыпочках дошла за ними до буфета. Взяла пончики с чаем и устроилась у окна. За окном была дорога и река Сень.

– О, гляди, какие здесь девочки симпатичные ходят!

Чуть не поперхнувшись, Агата скосила взгляд. У высокого стола слева стояла парочка парней – по виду студенты-старшекурсники с Академии. Агата наклонилась, чтобы волосы упали на лицо, и они не видели её вспыхнувших щёк.

– Девушка, а девушка, – продолжил тот же весёлый голос, – вы здесь на практике?

– Нет, – буркнула она.

– О, так вы уже работаете?

– Нет, – так же содержательно отозвалась Агата. Злилась на себя – уж Стефи бы нашла, как поддержать беседу! Но подружка ведь никогда не краснеет, а остальных очень забавляет румянец на Агатиных щеках. Один из самых дурацких и частых вопросов, задаваемых ей: «А что это ты покраснела?» Как будто это от неё зависит! Ведь это всё равно, что спрашивать – а с чего это вдруг у тебя глаза зелёные?

– А вы из какой лаборатории?

Агата упорно размешивала давно растаявший сахар.

– Из осипенковской. Лаборатория сна.

– О! – снова сказал парень, но уже с уважением. – А кем же вы там служите?

Она взглянула на него сквозь чёлку. Русый, коротко стриженный, глаза щурятся и искрятся смехом. Его молчаливый сосед-блондин ест и смотрит то на него, то на неё.

– Лабораторным материалом! – отчеканила Агата, бросая пончики и сползая с высокого табурета. – Приятного аппетита!

Услышала вслед растерянное:

– Приятного...

Агата замедлила шаг, присматриваясь. За окном, выходящим в коридор из какой-то лаборатории, что-то двигалось. Она огляделась (все обедавшие уже разбежались по своим страшно секретным кабинетам) и подошла поближе: а вдруг разглядит, чем там занимаются? Тоже кого-то исследуют? Или что-то? Бабушка говорит, на их втором уровне система повышенной безопасности. Ну насчёт неё, конечно, зря, чего её бояться...

Агата припала к окошку носом. То ли туман внутри, то ли просто такое стекло – молочное, чтобы ничего не было видно.

Внезапно что-то тёмное метнулось из тумана и ударило прямо перед её лицом: по толстённому стеклу пошли мелкие змеистые трещины. Агата отскочила. Рука (теперь было видно, что это именно рука) вновь хлестнула по окну, растопыренная пятерня прижалась, словно пытаясь его выдавить. Потом появилось лицо – вытарашенные глаза, рот беззвучно раскрывался, повторяя одно и то же. Агата замерла. Кажется, она даже начала понимать, что ей говорят...

От следующего удара трещины побежали дальше. Человек вдруг дёрнулся, вновь ударив растопыренными ладонями – точно дерево ветками в окно в ветреный день – и исчез. Кто-то утащил его назад. В туман.

Агата, открыв рот, стояла перед стеклом, не зная, куда кидаться, кого звать, и что вообще делать. Хлопнула дверь лаборатории – вышел работник в сером халате, насвистывая, приблизился, поглядел на окно и покачал головой:

– Нич-чего себе!

Так же насвистывая, положил ладони на стекло, двинул ими, словно сметая в кучку мелкий мусор. Свист на время прервался, ладони сжались в кулаки, крепко сжались... Когда мужчина отнял руки, трещины исчезли, стекло стало по-прежнему целым и непрозрачным. Сунув руки в карманы, лаборант прошёл мимо Агаты, покосился и неожиданно подмигнул. Свист стал громче.

Агата так и осталась стоять в коридоре, глядя то на закрывшуюся за ним дверь, то на окно.

Она поняла, что говорил человек.

Помоги, повторял он. Помоги мне.

Вечером Агата рассказала о происшествии бабушке.

– Я же говорила, что в ИМФ решаются очень сложные проблемы. Каждая лаборатория занята конкретной тематикой, которая вполне может быть секретной. (Вдруг представилась табличка на двери осипенковской лаборатории: «Наш секретный проект – Агата Мортимер»). Не забивай голову чем попало, ничего не бойся, безопасность там на очень высоком уровне... К иностранному готовишься?

Конечно. Вернее, учебники уже разложены. Вперемешку со Стефиными. Но ведь начало действия – это уже действие? Тем более она и так хорошо знает ин-яз.

– Готовлюсь, – сказала Агата, выслушала бабушкины наставления насчёт режима и подготовки к экзаменам и повесила трубку. Может, она и правда выдумывает проблему на пустом месте? Да и вообще неправильно поняла то, что человек пытался сказать ей?

Послониалась по комнате. Будь здесь Стефи, живо б её отвлекла и развеселила. Но Стефи ушла делать маникюр: уверяет, что ей лучше учиться, если не отвлекают неухоженные ногти. Может, стоит попробовать? Агата выглянула в окно. Тучи никуда не делись – кажется, целый день так и ходят над интернатом кругами. Наверное, преподаватели специально их нагнали, чтобы школьники не отвлекались от экзаменов в первый тёплый летний месяц.

Агата села на подоконник, свесила ноги наружу и стала грустить. Грусть сгушалась вместе с тучами. Скоро было одинаково серо на улице и на душе. Да ещё пошёл дождь...

Вот тогда и позвонил Келдыш. Вообще куратор теперь звонит каждый вечер: осуществляет, как он говорит, дистанционный контроль. Если бабушку в основном интересует, что Агата съела и сколько выучила, то Игоря – что с ней продельывает Осипенко. Она добросовестно отчитывается и перед ним, хотя рассказывать особо нечего, каждый день одно и то же. Как можно любить науку до такой степени, чтобы раз за разом повторять всё тот же опыт? С тоски можно умереть! Не понимает она этих взрослых: и на что только они тратят свою жизнь?

Агата вяло доложила о прошедшем дне и умолкла. Ждала, что Келдыш сейчас, как обычно, коротко спрашивается и положит трубку. Игорь не торопился. Помолчал немного и спросил:

– Что-то ещё?

Ему бабушка, что ли, сказала? Наверяд ли. Она вообще старается лишний раз с Игорем не общаться. Да и он с ней тоже.

– Алё-о! – позвал куратор. – В чём дело, Мортимер?

Понимая, что поступает глупо, Агата всё-таки рассказала про соседнюю лабораторию и про человека, который просил – не просил? – у неё помощи. Игорь сказал:

– Ясно, – и отключился.

Агата поглядела на замолчавший сотовый у себя в руке. А ей так ничего не ясно. Или это что-то вроде пожелания спокойной ночи?

Куратор перезвонил уже в двенадцатом часу. Стефи пришла с сияющими ногтями, с новой стрижкой, с кучей гляцевых журналов. Подружки успели их рассмотреть, обсудить и даже немного поготовиться к экзаменам. И улечься спать.

– В этой лаборатории, – начал Келдыш с места в карьер, – изучают оборотней. В данный момент там находится опытный образец – доброволец, который дал согласие на ежемесячные обследования в надежде, что однажды его избавят от оборотничества. У Глеба нормальная, человеческая семья, не маги даже, поэтому он находит эту свою способность очень... раздражающей. Так что там не занимаются пытками

и не проводят запрещённые эксперименты, как видимо, почудилось вашему богатому воображению. Спи спокойно.

И опять отключился. Даже не дал ей возможности сказать ему спокойной ночи.

Или спасибо.

– Стефи, не знаешь, а обращаться больно?

Стефани изогнула шею, пытаясь увидеть, что её соседка читает, и Агата прочла название книги вслух:

– «Оборотни: легенды, вымыслы, правда».

– Профессиональный термин – не обращаться, а перекидываться. Ну а ты сама-то как думаешь – не больно? Вот представь себе: ломает как при гриппе, болят все мышцы, кости – тело перестраивается, потом начинают расти зубы, помнишь, как они у тебя резались? Не помнишь, конечно, и я не помню, но мама говорит – температура очень высокая, больно... Лопается кожа...

– Кожа лопается?!

Стефи наслаждалась агатиной реакцией. Понижила голос.

– И вот из твоего тела вылезает нечто... Но знаешь, что самое страшное?

– Что?

– Самое страшное – заглянуть в зеркало и увидеть, в КОГО ты превратилась! Я бы сразу же с ног... то есть с лап долой!

– А ты когда-нибудь обратной видела?

– Ну не зна-аю... никто же не представляется: здравствуйте, я – оборотень! До полнолуния они выглядят как обычные люди, а маги только вампиров могут отличить. Вот ты вампиров видела когда-нибудь?

– Да, конечно, – просто сказала Агата.

Стефи аж подпрыгнула на кровати. Глаза её вспыхнули.

– Ты – видела – вампиров?! И молчишь?!

– Ты же не спрашивала... А ты разве нет?

Агата считала, что раз Борис ходит в давних друзьях у Келдыша, то все маги наверняка имеют таких же знакомых.

– И как они тебе? А глаза какие? А правда, что они все очень сексуальные? Зубы их видела? Ты с ними разговаривала?

– Выглядят как обычно; клыков никаких особых не заметила. А! Двигаются очень быстро. Сексуальные... ну я даже не знаю...

– Ой, ну конечно, тебе-то твоего секс-Игоря за глаза хватает! – ревниво заметила Стефи. – А тут... у родителей знакомых вампиров нет, в наш интернат их не принимают, наверное, справляются со своими «трудными» сами, может, тоже в каком-нибудь специнтернате. Агачка, а ты познакомишь меня с каким-нибудь вампирчиком, а? С хорошеньким каким-нибудь?

Агата сразу вспомнила Малыша. В принципе, симпатичный. Интересно, а посмеет он подойти к ней после разборок, которые, по словам Келдыша, устроил Борис в Сообществе?

– Попробую. Если только он выйдет на связь. Стефи, а вдруг он тебя укусит?

Стефи нетерпеливо отмахнулась.

– Я ему укушу! Нет, ну это прикольно – иметь знакомого вампира, и молчать себе в тряпочку! Про оборотней вон так трещишь целый день, не переставая!

Трещала, как обычно, сама Стефи; Агата помалкивала, вполуха слушая возмущённо-восхищённую подругу и пролистывая жутковатые литографии и рисунки в книге. Бедный-бедный подопытный сосед! Всю жизнь, из месяца в месяц переживать такие муки превращения, то есть, *перекидывания* – конечно, захочешь от оборотничества избавиться!

– А если оборотень и вампир укусят друг друга одновременно? Кто кого инициирует? Это зависит от глубины или площади укуса? От иммунитета? Или ещё от чего-то?

– Научный магический мир спорит об этом уже несколько веков, – важно сообщила Стефи, нехотя берясь за своё «Целительство». – Даже пытались название для такого гибрида придумать... Исследования остановились за недостатком фактического материала.

– Почему?

– А ты попробуй заставить их укусить друг друга! Оно им надо?

Глава 8

Маячки

Бабушка уезжает. Шрюдер нашёл какой-то дивный курорт за границей, где лечат как раз после инсульта, – но ехать надо сейчас, потому что в разгар лета там будет не протолкнуться.

– Бабушка, а как же... – начала Агата.

– Конечно, плохо, что я уезжаю во время экзаменов, – согласилась бабушка. – Но ты теперь под присмотром, и учителя говорят, что ты практически не отстала, так что всё будет хорошо. Справишься и без меня. Да ты даже не заметишь, что меня не было – все равно целыми неделями в интернате – а я буду каждый день звонить. Всего месяц, Агатка!

– Нет, я... – и Агата прикусила язык. Она волновалась вовсе не из-за экзаменов.

Лидия вздохнула, явно борясь с собой. И всё же сказала – довольно сухо:

– С тобой остаётся твой куратор.

Агата видела, как ей хочется поехать. Да бабушка все эти годы даже на день не оставляла её одну – не считая больницы! Наверное, она так устала... И от внучки – тоже. Агата сказала как можно беспечно:

– Конечно, езжай! А Шрюдер тоже едет?

Бабушка покраснела – обычно так вспыхивает сама Агата – отвернулась и стала бормотать, что Генрих как раз закончил передавать дела, да ещё столько лет не был в отпуске, а тут как раз подвернулась путёвка на двоих, и он решил её сопроводить...

– Да ладно, баб, – великодушно сказала Агата, – хорошо, что ты там тоже будешь под присмотром!

– И нечего так улыбаться! – одёрнула её бабушка. И ушла в другую комнату собирать вещи. Вскоре она уже напевала.

Провожали уезжавших они с Келдышем вдвоём. Бабушка крепко обняла Агату на прощание, забормотала ей в макушку:

– Ох, что-то мне не по себе! Может, остаться, а, Агатка? Ну её, эту путёвку! Съезжу как-нибудь в другой раз...

Так хочется, чтобы она осталась!

– Чешуистая чушь! – буркнула Агата. – Давай лечись и возвращайся поскорее здоровой! Всё будет хорошо. За мной Келдыш присмотрит. Да и я себя в обиду не дам.

– Вот этого-то я и боюсь, – пробормотала бабушка – непонятно о чём.

Келдыш со Шрюдером пожали друг другу руки, бабушка окинула Игоря суровым взглядом:

– Ну, смотрите тут у меня...

Келдыш насмешливо поклонился.

– Доброй дороги, Лидия!

Спасибо, хоть не сказал – скатертью дорожка! Агата, томясь, вздохнула: боялась, что перед отъездом они опять поругаются. Бабушка смолчала, ещё раз торопливо поцеловала её и долго потом махала из-за плеча проводницы...

– Ну всё, хватит, – сказал Келдыш, и Агата обнаружила, что стоит на пустой платформе. Уехали. Пошёл мелкий дождь.

Они брели по перрону. Келдыш смотрел в одну сторону, Агата – в другую, смахивала торопливо слёзы. И чего это она? Ведь не насовсем же!

– Вы, наверно, в первый раз расстаётесь?

Агата вздохнула.

– Да.

Келдыш помолчал.

– Завтра снова едете в Институт? Не против, если я поеду с вами?

– Да, да, конечно! – вырвалось у Агаты.

Келдыш резко развернулся и встал перед ней. Спросил требовательно:

– Мортимер, что происходит? Что они там с вами делают?

Агата отвела глаза. Пожала плечами.

– Вроде бы ничего такого страшного... Но я почему-то Осипенко боюсь.

Поехали не на институтской, а на келдышевской машине: «Себе я доверяю больше».

– А почему ИМФ так далеко?

– Потому что там сплошные «феномены», как говорит одна наша общая знакомая. Экологически вредные предприятия ведь вынесены за город? Если что, могут пострадать невинные жители. Поэтому защита там на уровне, – Келдыш покосился на неё, – хм, Котла. Надеюсь, вы не собираетесь пробовать на прочность ещё и институтскую защиту?

– Ничего я не собираюсь, – пробормотала Агата.

Они поднимались привычным уже путём на второй уровень – ну почему не называть просто, как все люди, *второй этаж!* Агата плелась нога за ногу: всегда оттягивает неприятное на потом, даже уроки по нелюбимым предметам старается делать самыми последними – а что может быть приятного в том, что тебя обследуют? Или исследуют? Да ещё и потёртая красная ковровая «дорожка», расстеленная в коридоре, извивалась, точно кто-то прошёл перед ними, не хуже неё волоча ноги, и сбил ковер вкривь и вкось. Агата пару раз запнулась. Чуть не упав в третий, пробормотала с досадой:

– Да что ж такое сегодня!

Шедший впереди Келдыш оглянулся. Приостановился.

– А, ну да, конечно!

Пол за спиной у Агаты вспучивался и неуклонно надвигался на них – точно под дорожкой полз кто-то большой и опасный. Слабо взвизгнув, Агата уцепилась за рукав Келдыша. Игорь наблюдал за приближением, приподняв бровь. Под его насмешливым взглядом «пол» замедлил движение и нерешительно замер в паре метров от них. Келдыш показал дорожке кулак. Послышалось что-то вроде сдавленного хихиканья, и бугор опал. Даже сама дорожка выправились, легла гладко, ровно, как по линейке.

– Что это было?

Келдыш пожал плечами

– Коридоры... Нам в тринадцатую?

– Здравствуй, Агата... а вы что здесь делаете, Ловец? – влетевшая в лабораторию Нона встала, как вкопанная. Игорь неторопливо отложил журнал, неторопливо поднялся. Улыбнулся.

Любезно.

– Добрый день. Выполняю свои кураторские обязанности.

Осипенко не поздоровалась и не улыбнулась. Смотрела, сузив глаза; ноздри её шевельнулись, точно она учуяла какой-то неприятный запах.

– И в чем они заключаются?

– Всячески способствовать развитию способностей и личности курируемого, но так, чтобы при этом оному не был нанесен какой-либо физический или моральный вред.

Кажется, это была цитата откуда-то – так заученно гладко всё прозвучало. Осипенко передёрнула плечами.

– Лидия уже присутствовала на прошлых сеансах и сочла мои методы вполне приемлемыми и безопасными!

– Ну а теперь поприсутствую я, – вежливо сказал Келдыш. – Если вы помните, наш новый начальник упомянул, что Мортимер ещё несовершеннолетняя, а посему присутствие на испытаниях взрослого лица, представляющего её интересы, не только желательно, но и скорее обязательно... Есть ещё какие-нибудь возражения?

Агата со злорадством увидела, как Осипенко поджала губы – точка. Сказать ей было нечего.

– Да бога ради! – сказала доктор резко, проходя и усаживаясь напротив Агаты. – Сегодня ты просто будешь вспоминать. Садись поудобнее.

– Я уже сижу, – сказала Агата, не меняя позы. Ей не хотелось отваливаться на спинку кресла – уж очень это напоминает сеанс у психотерапевта. А она совершенно здоровая. – А о чём вспоминать?

Осипенко свела пальцы у самого рта.

– Расскажи, как ты управляла магией в Котле.

– Я же вам говорила – я ею не управляла!

– Хорошо-хорошо, тогда просто расскажи, как всё было...

– Но я ведь уже сто раз рассказывала!

– Не упрямясь, Агата, здесь тебе не детский сад!

Агата вздохнула, закрыла глаза и представила себе несуществующий уже Котёл. Непонятное, близкое, странное, страшное и бесконечно-бесконечно печальное...

– ...невозможно, – бормотала Осипенко, пальцы её металась над столом, точно что-то печатали или сплетали какую-то картинку, – но это совершенно невозможно!

Келдыш сидел, подавшись к Агате и подпирая подбородок руками. Тоже слушал, словно зачарованный. Отозвался невнятно:

– И тем не менее...

– Магия – стихия, а не разумное существо. С ней невозможно общаться или о чём-то договариваться.

– Расскажите об этом Агате. Или самой магии.

– Значит, ты ею никак не управляла?

– Я не умею, – сказала Агата. – Управлять. Я вообще никаких команд... то есть заклинаний не знаю. Я просто её отпустила.

– Безответственно, – сказала Осипенко рассеянно. – Крайне безответственно.

Келдыш поглядел на неё и поднялся.

– Вы закончили на сегодня?

– Да-да, – так же рассеянно отозвалась Осипенко. – До завтра.

– Маркеры снимите.

– Что?

– Снимите с неё маркеры. Не хотите? Сам сниму. Пойдите-ка, – он придержал Агату за плечо. Быстро, не прикасаясь, провёл ладонью вдоль её тела; она чувствовала тепло его руки и видела изредка посверкивающие искорки – как от наэлектризованной ткани. Келдыш выпрямился и повернулся к Осипенко. Та глядела на него, поджав губы. – Не думаю, чтобы Констанц давал вам разрешение на круглосуточное наблюдение. И я поставлю в известность правомочного опекуна. До завтра.

До Агаты дошло только в машине.

– Она что, за мной следила?! Постоянно?

– И записывала.

Агата судорожно вспоминала, что делала и говорила в последние дни. Ой, кажется, они со Стефи обсуждали парней... и Келдыша тоже... и много ещё чего... девичьего.

Игорь кинул на неё быстрый взгляд:

– Теперь не будет.

– А вы можете научить меня? Ну, разряжать эти... маркеры?

Он помолчал.

– Попробуем, – неожиданно завернул руль вправо, съезжая с дороги на захламлённый пустырь за каким-то зданием.

– Что, прямо сейчас?

– Думаю, у вас не так уж много времени. Смотрите, – он протянул ей руки. – На одной сейчас маячок.

– Маячок?

– Маркер, метка. Попробуйте определить, на какой именно.

Агата с подозрением осмотрела его руки – руки как руки. Чистые... Она что, должна просто ткнуть наугад – угадает или нет? Келдыш перевернул их, показывая, как фокусник, пустые ладони.

– Закройте глаза. Попробуйте увидеть их внутренним зрением.

Если оно такое же плохое, как и... наружное, фигурки что она увидит. Агата послушно закрыла глаза.

– Что я делаю? – спросил Игорь.

Она почувствовала тепло, скользнувшее по щеке.

– Вы... ну... – от смущения язык еле шевелился. – Меня гладите. По лицу.

– Даже не дотрагивался, – мягко сказал Келдыш. – Нет, не открывайте глаза, следите за моей ладонью.

Либо то, либо другое... Тепло снова приблизилось – теперь к глазам. Замерло. Веки задрожали от усилия, чтобы не открыться, и Агата вдруг увидела тепло как цвет – жёлто-красный цвет. Тепло отдалилось, но теперь она за ним уже следила: качнулось, повернулось и... исчезло.

– ...сжали руку в кулак, – Агата раскрыла глаза.

Игорь держал кулак перед губами. Кажется, был доволен – ничего у него не поймаешь.

– А теперь снова поищите маркер. Даю подсказку – он на *этой* ладони.

Агата взяла его руку и опять закрыла глаза. Вертела головой так и эдак. Ничего не поймаешь – цвет, прожилки, пятнышки...

– Попробуем по-другому. Открывайте глаза. Проведите рукой над моей ладонью. Чувствуете тепло? Хорошо. Теперь подальше. Всё ещё чувствуете? Отлично. Попробуйте – тепло везде одинаково? Не спешите, у вас всё получается.

Да, кроме управления своей собственной магией... Агата водила рукой над его ладонью. Тепло, тепло... ай! Агата отдернула руку и почесала её.

– Что? – спросил Келдыш.

– Вот, кажется, здесь, – ткнула под его безымянным пальцем. – Колется.

– Отлично. А теперь скажите... хотя нет – *вы* можете просто пожелать, чтобы маркер не работал. Вперёд. Теперь проверьте. Нет? Дайте я проверю...

– Так, – Келдыш завёл машину. – Поехали.

Так – получилось или так – нет? Наклонившись, Агата заглянула ему в лицо. Не отрывая глаз от дороги, Игорь сказал нехотя:

– Теперь таким же образом проверяйте и демаркируйте себя всегда, когда уходите из Института. Да и в течение дня – тоже, на всякий случай. Мало ли кто будет мимо проходить, ещё подсадит «жучка».

Агата с недоверием оглядела собственные ладони. Неужели получилось? Прямо сразу получилось?

– А может, вы меня сами учить будете? Видите, всё же получилось с первого раза!

Келдыш как-то криво усмехнулся.

– Нет уж. Это чревато.

– Чем... чревато?

– Многим. И вообще, вы за десять минут освоили то, что другие изучают месяцами.

Агата сжала коленками горевшие ладони. Не похоже, чтобы Келдыш этому радовался. Но она же не виновата, что у неё сразу получилось?

– А вы заметили, что Осипенко даже не спросила, куда подевалась ваша бабушка? – спросил Келдыш.

– Ну и что? Бабушка, наверно, её предупредила.

– Может быть, – согласился Келдыш. – Только уж как-то очень вовремя подвернулась эта путёвка...

Агата промолчала. Он намекает на то, что бабушку специально услали подальше? Зачем и кому это нужно? Может, бабушка права, и Келдыш действительно немного... параноик? И потому в любом пустяке ему видится заговор?

Глава 9

Зверинец

– Агата, здравствуй! Я жду тебя сегодня в двенадцать ноль-ноль.

– Здравствуйте. А... кто это?

– Иванов Павел, ректор Академии, – голос мужчины в телефонной трубке стал слегка удивлённым. Видимо, все должны были узнавать ректора не то что с полуслова – с полувздоха.

– Здравствуйте, Павел, – ещё раз сказала Агата. – А зачем... где вы меня ждёте?

Иванов удивился ещё больше.

– В академическом зверинце, где же ещё? Мы же договаривались с тобой об индивидуальных занятиях.

Ни о чём таком они не договаривались. Агата не думала, что ректор вообще о ней вспомнит.

– Но... – начала Агата. – У меня...

– Экзамены? Ну, это пустяки. Ты всё успеешь.

– Ну в смысле... я же ещё должна каждый день ездить в ИМФ на исследования.

– К Ноночке?

Агата моргнула: «Ноночка»?!

– Ничего страшного. Я уже с ней договорился, она согласна. Очень уступчивая девочка.

Агате вдруг стало весело: она представила, с каким скрежетом зубовым Осипенко уступает ивановскому бодрому напору, – наверное, вся телефонная трубка обгрызена до проводов. Вот только... в курсе ли ректор того, что вообще произошло после Дня открытых дверей в Академии, а если не в курсе, захочет ли с ней потом работать?

Агата глубоко вздохнула.

– Знаете, Павел, я вообще-то сама ничего не решаю. СКМ, а ещё Божевич запретили мне всякую самодеятельность...

– Вздор!

– А?

– Послушай, Агата, дружочек, – сказал ректор энергично, – в жизни не поверю, что кому-то из семьи Мортимер можно хоть что-то запретить.

– Так вы... знаете?

– Да это же очевидно с первой минуты! – с нетерпением заявил Иванов. – Мы слишком много времени теряем на пустые разговоры, ты уже должна быть в пути! Машина ждёт у дверей, пропуск Антон тебе выписал. Твоего куратора не приглашаю, животные боятся носителей огненной магии, – те, как правило, охотники. Итак, через час!

«Это очевидно с первой минуты». Наверное, очевидно всем – всем, кто знал родителей или бабушку. Наверное, они смогли обмануть только самих себя и интернатовцев, да и то лишь на время.

Неудачливые конспираторы. Подпольщики.

Казалось, всё сегодня повинуется деловитому и энергичному настрою Иванова: быстрые сборы, быстрый досмотр на воротах, быстрая поездка до знакомого «трилистника». Старшекурсник, дежуривший на дверях в Академию, лишь мельком глянул на пропуск.

– К Павлу? Сумеешь найти зверинец?

Сумела. Только не так быстро как хотелось бы ректору – тот уже в нетерпении подпрыгивал у входа, точно упругий блестящий мячик.

– Ну где же ты?! Я сейчас убегаю на учёный совет, буду в лучшем случае через час. Знаешь, что мы сделаем? Ты дашь животным к себе привыкнуть...

– Можно мне их покормить?

Иванов фыркнул:

– Тогда уж потом сразу и клетки почисти! Просто посиди здесь, отдохни. Послушай.

– Что послушать? – Агата опустила в указанную кресло-качалку, накрытую старым клетчатым пледом.

– Их, – Павел кивнул подбородком на вольеры. – Не обращай внимания на запах, ты скоро привыкнешь. Просто расслабься. Я скоро!

И мячик упрыгал. Иванов же такой старый – наверное, старше бабушки, откуда в нём столько энергии? И почему все ей предлагает расслабиться? Сначала Осипенко, теперь вот... смотритель зверинца, ректор Академии по совместительству. Она что, такая напряжённая? Агата погладила свой лоб – нахмуренный. Разжала челюсти. Попробовала улыбнуться – но уголки губ упорно ползли вниз.

Напротив, в вольере, сидел бурый медведь и, наблюдая за её гримасами, покачивал головой. Не одобрял, наверное. Агата показала ему язык.

Конечно, лучше здесь, чем в лаборатории Осипенко. «Ты должна научиться контролировать свои перемещения! Ты должна действовать

более целеустремлённо, представлять всё отчётливо, думать и во время сна». Должна, должна, должна... Как, скажите, она может это сделать? Расскажите, покажите, научите! Агата всё больше подозревала, что доктор магических наук и сама этого не знает. Может, они и изучают законы сновидений и управление снами, но с такими... перемещениями в сновидениях явно столкнулись в первый раз. И здесь я сплошная уникальность, подумала Агата с лёгким самодовольством. И тут же себя одёрнула – а не была бы такой уникальной, сейчас бы её быстренько обследовали и отпустили на каникулы. Или вообще бы даже изучать не стали.

...Н-ну, а где здесь старая знакомая – леопард? Кажется, налево. Здравствуй, киса, здравствуй, красавица, ох, какой же у тебя мех! Агата, не раздумывая, толкнула щеколду, входя в вольеру громадной кошки.

Там их и обнаружил вернувшийся ректор: Агата сидела, глядя развалившегося леопарда по груди, и серьёзно рассказывала, какой он красивый и великолепный. Леопард верил, потому что нежился и громко мурчал. Иванов некоторое время полюбовался этой картиной, потом сказал вполголоса:

– Ну, вижу, девочки, вы уже спелись...

Агата подпрыгнула, а леопард так и остался валяться на спине, только взглянул на Иванова полузакрытыми довольными глазами и сложил на груди лапы. Агата виновато выбрела из вольеры.

– Извините, я, наверное, не должна была...

– Не должна была, – серьёзно кивнул ректор. – Но раз дело сделано, говорить об этом поздно. Ничего страшного. А теперь вернёмся к учебному месту.

Они уселись на «учебное место»: ректор – на качалку, Агата – на стул рядом. Некоторое время молча рассматривали животных. Те молча рассматривали их.

– Кто из них тебе не нравится? – неожиданно спросил Иванов.

– Крокодил, – ответила Агата, не задумываясь.

– Почему?

Агата поразмышляла.

– Наверное, потому что я его совсем не понимаю. Лежит – бревно-бревном, только глаза иногда открывает.

– А остальных? Понимаешь?

– Ну хорошо... я его не... чувствую. Совершенно.

Кивок.

– Уже ближе. Знаешь, в чём секрет блестящих дрессировщиков? Да, на некотором уровне они эмпаты и хорошо, как ты говоришь, *чувствуют* животных. А ещё в чём? Не знаешь? Плохие дрессировщики знают

только одно – что *им* нужно от животного. Но не знают, что нужно самому объекту дрессировки. Кроме самого элементарного, понятно: поесть, попить и спариться... Вот когда ты поймёшь, услышишь, почувствуешь, чего хочет животное, тогда мы продолжим обучение дальше. Посиди, расслабься. Послушай. Не услышишь сегодня – услышишь в другой раз. Или в следующий.

«Плохие дрессировщики знают только одно – что им нужно от животного. Но никогда не знают, что нужно самому объекту дрессировки». А только ли о *зверях* сейчас говорится? Агата глянула настороженно; ректор с безмятежным лицом откинулся на спинку кресла. По его губам бродила лёгкая улыбка: то появлялась, то таяла. Маленький, круглый, лысый, Иванов напоминал сейчас умиротворённого Будду. Казалось, он слушает не только животных, но и её мысли тоже.

Оставалось только последовать его примеру. Агата прикрыла глаза. Мерное поскрипывание ректоровской качалки. Фырканье зверей, стукоток копыт. Короткое взлаивание. Но как же хорошо, что хоть здесь от неё ничего не требуют! Агата слабо улыбнулась.

Ректор провожал её до самого выхода. Агата всё посматривала на него, но Иванов и виду не подал, что недоволен сегодняшним «уроком». На ходу показывал то одно, то другое, подробно объясняя, где что находится: «запоминай, чтобы не плутать, когда поступишь в Академию». Прощаясь, Агата всё же попыталась извиниться, что у неё ничего не получилось, но ректор прервал её:

– Все отлично, Агаточка, ты даже себе не представляешь, до какой степени отлично! До встречи через неделю! – и ускакал, напевая на ходу и попутно раздавая указания всем преподавателям, имевшим неосторожность попасться ему на пути.

Агата, моргая, смотрела ему вслед: вот бы Осипенко каждый раз её хвалила – ни за что, просто так – да она бы тогда в ИМФ просто на крыльях летела!

Глава 10

Контроль и ещё раз контроль

Когда Агата рассказала про секретный выход из интерната, друзья страшно возмутились: как это секрет, известный *всем*?! А они почему не знают?!

Впятером пошли осматривать место. Агата не очень уверенно выбрала прут: кажется, этот, да, третий от угла... Штурм-компания тут же разложила на траве книги и конспекты и принялась методично применять все выученные и не очень заклинания (а наивные-то воспитатели радуются, наверное, что интернатовцы даже в парк ходят с учебниками!) Больше всего надежд возлагалось на Люси – как-

никак, а с решёткой, содержащей элемент её стихии, «металляшка» всяко договорится! Но единственное, чего та добилась – цвет прута сменился с чёрного на серый. Зигфрид авторитетно заявил, что поменялась атомная структура материала: вместо чугуна получилась сталь. На него посмотрели с сомнением, но спорить не стали.

За дело взялся Карл. Следующими на очереди и наготове стояли Стефи с Зигфридом. Стефка так заинтересованно наблюдала за штурмом и давала столько советов, что было ясно – уже запланировала улизнуть через тайный выход на какое-нибудь свидание.

Карл убрал со лба взмокшие от пота волосы и, передавая эстафету Зигфриду, картинно отвалился от ограды на траву. Взгляд его упал на Агату.

– Слушай, а ты чего не пробуешь?

– Да!

– Давай, Агат, ну чё ты мнёшься?

– Да я не... В смысле, я не знаю, как... И вообще, у меня магия... – Агата неопределённо покрутила рукой, изображая свою неверную магию. – Ну нет её сейчас!

– Сейчас нет, а через секунду – р-раз – и будет! – Гауф на корточках переместился в сторону. – Давай-давай!

А вдруг и правда получится, ведь при снятии «маячков» она тоже не ощущала своей магии! Под взглядами друзей Агата взялась обеими руками за упрямый прут. Подёргала. Закрыла глаза. Ладно, всё равно неизвестно, что делать и что говорить. Как тогда сказал Келдыш: «вы можете просто пожелать». Вот и желаю, чтобы выход сейчас открылся! Агата представила, как металлический стержень поддаётся, вынимается, и всем своим немалым весом ложится на её ладони... Она даже почувствовала это!

Открыла глаза и с досадой убедилась, что в действительности ничего такого не произошло: она просто изо всех сил вцепилась в прут, буквально повиснув на ограде. Четвёрка наблюдала за ней, раскрыв рты. Агата разжала занемевшие пальцы и отряхнула ладони; на них отпечатался узор рифлёной решётки.

– Ну вот, видите? – сказала хмуро.

– Теперь моя очередь! – жизнерадостно заявил Зигфрид, подпрыгивая на корточках, словно гигантская лягушка.

А Агата вдруг резко устала. Понаблюдала ещё за укрощением ограды, поняла, что это всерьёз и надолго, потому что друзья сдаваться не собирались.

Ограда – тоже.

– Ладно, я пошла...

– Ага, – сказал Карл рассеянно. – Если увидишь воспитателей, свисти!

Агата для пробы свистнула – получилось тихо, и не свист вообще, а какое-то шипение. Надо потренироваться. Ушла на свою любимую скамью посреди кустов сирени – там у неё уже были разложены учебники... ну и другие книги. Сейчас вот она посмотрит вот эту... и картинки вот в этой... а потом – сразу за ин-яз.

Через час Агата подняла глаза, и с её колен посыпались книги.

По интернатскому парку шёл Келдыш. Шёл неспешно, поглядывая по сторонам, чуть ли не любуясь демонстративно раннелетними цветами. Но Агата несколько не сомневалась, что он давно разглядел её за цветущими кустами сирени. Спohватившись, она нагнулась, а потом и вовсе присела на корточки, собирая разлетевшиеся учебники. Вскоре в поле зрения появились черные туфли, и Келдыш наклонился, помогая ей.

Не забыв при этом, конечно, заметить:

– Я так понимаю, это что-то вроде вашего традиционного приветствия: «Здравствуйте, Игорь, рада вас видеть?» Так рада, так рада, что постоянно либо сама пытается рухнуть в обморок, либо роняет всё, что в руках имеется... Мортимер, вы ко мне явно равнодушны!

Интересно, а как Келдыш отреагирует, если она скажет: «Да, конечно, равнодушна»? Агата понадеялась, что он спишет её пылающие щёки на то, что ей пришлось наклониться за улетевшим под скамью томиком. Выпрямившись, Агата увидела, что Келдыш листает поднятую книгу.

– А разве у вас следующий экзамен не иностранный?

– Иностранный...

Игорь подобрал выпавший из книги и спланировавший на скамейку старый фотоснимок. Взглянул, и рот его крепко сжался – Агата знала, *кого* он там увидел. На фоне лабораторного оборудования были сняты два бывших сотрудника бывшего Института экспериментальной магии: Марина Мортимер и Петр Стеблов. Келдыш внимательно рассмотрел фото и отдал Агате. На удивление, безо всяких комментариев.

Быстро проглядывал остальные книги, Агата читала названия вслед за ним. История магических учений. Жизнеописание кудесника Саавы Тишайшего. Институт Экспериментальной магии и его виднейшие представители. Легенды Магии. Воплощение Стихий...

По мере просмотра Игорь складывал книги на скамью – получилась аккуратная внушительная башенка. Поглядел на Агату с любопытством:

– Самообразовываетесь?

– Ну... да. Ещё Осипенко дала список литературы, которую мне нужно прочитать.

– Ах, Осипе-енко!

Игорь указал ей на скамью – то ли приглашая садиться, то ли по старой учительской привычке разрешая. Сам уселся очень вольготно, раскинув руки по спинке скамьи. Агата присела бочком рядом. Сложила руки на коленях; представила, что выглядит как примерная первоклассница, и нервно схватив верхний томик из стопки, начала его перелистывать. Не глядя.

– Что, на природе лучше учиться?

– Ну да, на свежем воздухе...

– Помнится, мне в вашем возрасте на свежем воздухе хотелось чего угодно, только не учиться, – лениво заметил Келдыш.

Агата вздохнула. Ладно, издавать тревожный сигнал не будем: четвёрку, штурмующую ограду, отсюда не видно. Да и не услышат они её так называемый свист.

– Понимаете, Стефи готовится к экзаменам по основам магии прямо в комнате...

– И?

– Ну, она иногда злится или забывается...

– И-и-и? – с большим интересом спросил Игорь.

– Полная комната бабочек – вовсе не так плохо, даже красиво! А вчера возник нетопырь. Пока Стефи его... ликвидировала, он выдрал мне целый клочок волос.

Игорь рассмеялся.

– Вы смеётесь, а мне было больно!

– Я и забыл, какое же весёлое время экзамены! – Келдыш отобрал у Агаты книжку и потряс перед её лицом. – Так для чего всё это нашей ДЭМЭН нужно?

Как-то незаметно у Осипенко появилась кличка: ДМН, доктор магических наук.

– Когда я в первый раз вылетела на Агнуса, у неё возникла идея... То есть, когда Агнус мне приснился...

– Первое определение более удачно, – задумчиво произнёс Келдыш. – «Вылететь на» – очень точное описание. Наверняка бедолага был поражён и испуган: работает себе мирно в своей вечной лаборатории, и тут через его нерушимую и непроницаемую Арку влетает девица в штанах... – он покачал головой. – У меня бы точно случился инфаркт.

– У вас?!

Келдыш глянул с оскорблённым достоинством.

– Вы просто не подозреваете, с какой тонко и остро чувствующей натурой имеете дело!

Агата засмеялась и села поудобнее.

– Вот так-то лучше, а то мне частенько кажется, что моё присутствие вас просто парализует – словно я Медуза Горгона во плоти, – заметил Келдыш. – Хотя зря вы, конечно, не верите в мою тонкую душевную организацию... Итак, после того, как вы вылетели на Агнуса, Осипенко решила – что?

– Она думает, что с моей помощью сможет посещать различные старинные институты, увидеть знаменитых магов...

– ...заглядывать им через плечо в то время, как они творят волшебство, – продолжил Келдыш, – и подтверждать или опровергать всяческие теории и легенды. Надеюсь, что осведомлённость или увлечённость отправят вас куда следует, она подсовывает биографии волшебников, историю знаменитых магических школ и институтов...

...и ещё снимок, на котором Агата впервые увидела своих родителей. Вернее, свою маму.

– Отличная задумка! Жаль, что, скорее всего, неосуществимая.

— Да? – огорчилась Агата. – Значит, у меня это не получится?

– У них это не получится, – поправил Келдыш. – Они будут снова и снова пытаться управлять вами, командовать, но в самом лучшем случае им удастся бежать по вашим следам, собирая крохи того, что вы оброните от щедрот своих...

Агата подумала, он снова шутит, но нет – Игорь сидел, задумчиво глядя перед собой, словно читал будущее в запутанном узоре металлической ограды интерната. Между прочим, Агате уже не в первый раз казалось, что в узор вписаны какие-то буквы... руны? Но едва она начинала приглядываться, пытаясь разобрать слова, как те вновь разваливались на невинные украшательские завитушки.

– Я заметил, что вы набрали больше всего книг по истории Института Экспериментальной Магии, – сказал Игорь, не меняя интонации. – Тоже по рекомендации Осипенко или это ваша личная инициатива?

– Я... Моя.

Келдыш помолчал.

– Мортимер, вы должны быть готовы к неудаче. Один шанс из... не знаю сколько нулей, что вы сумеете попасть в прошлое ИнЭМа и уж тем более – что увидите там свою мать.

– Но он всё-таки существует? – мрачно спросила Агата. – Этот шанс?

– В вашем случае шанс присутствует всегда.

– Правда?

– Не заставляйте меня вас расхваливать. Это непедагогично.

Келдыш отломил веточку сирени, покрутил её в руках.

– Мы во время экзаменов выискивали и жевали цветок в пять лепестков – чтобы уж наверняка получить «отлично»...

– Я, наверное, их уже целый килограмм съела! – с чувством сказала Агата. Неужели и Келдыш когда-либо в жизни испытывал неуверенность, нуждался в таких вот... эфемерных подпорках?

– Вижу, традиции блюдутся. А вас ещё не пытались отвести на чердак?

– Н-нет... Но намекали. Это тоже традиция? А что там, на чердаке? Келдыш пожал плечами.

– Ничего особенного. Темно. Много старых вещей, – покосился на неё и поправился: – То есть для тех, кто владеет магией, там нет ничего такого страшного.

– А для тех, кто не владеет? – послушно среагировала Агата.

– Ну мало ли... – туманно проинформировал Игорь. Явно подзуживая. Слегка улыбнулся на подозрительный Агатин взгляд. – На территории интерната опасности дозированы оптимально; мы в своё время опробовали *все*, уверяю вас. Для вашей закалки – самое то. На самом деле чердак напоминает имэфэвские коридоры: те же издержки магии, забавно, иногда даже страшновато, но не слишком опасно. Так что можете прогуляться на чердак, хотя лучше и веселее всё-таки в опытной компании.

– А разве куратор не должен ограждать меня от всех мыслимых и немыслимых опасностей? – подколола его Агата.

Келдыш помолчал и сказал – теперь вполне серьёзно:

– Мне уже не раз говорили, что куратор я «аховый». Но, кажется, я решил для себя, что должен делать куратор... да и, наверное, любой родитель тоже. Направлять, подсказывать, поддерживать – и научиться вовремя отпускать. Даже если сам ты трясёшься от страха за своего подопечного, это не значит, что ему обязательно угрожает что-то смертельно опасное.

«Трясёшься от страха за своего подопечного»... Келдыш действительно *так* за неё боится?! Хотя, конечно, он часто всё преувеличивает, но это... приятно. Если не сказать больше. Чтобы и правда не сказать, Агата спросила поспешно:

– А мы... в смысле, вы будете меня ещё чему-нибудь обучать?

– Думаю над этим. Но здесь не получится, – Келдыш огляделся. – На территории интерната всплески сильной магии гасятся моментально. Стоят ограничители, сами понимаете – против выбросов подростковой магии. Да ещё и вашей, к тому же...

Можно обучаться и *вне* интерната. Но это Агата предложить постеснялась.

– Ну можно чему-нибудь такому... мелкому. Полезному.

– Полезному? – Келдыш слегка улыбнулся. – Если, например, как парней привораживать, пусть лучше вам ваша подружка расскажет. Она в этом вопросе большой специалист, насколько я понимаю.

Намекает на злосчастный талисман, который ей как-то подсунула Стефи? Но это же Стефи, она сама не хотела... Не хотела? Ну, в смысле, не собиралась ничего такого делать.

– Я подумаю, что вам больше всего в данный момент может пригодиться. – Келдыш неожиданно поднялся и вручил ей отломанную веточку сирени. – Значит, ДМН изменила планы и тактику исследований. Ну что ж, может, это и к лучшему... Мортимер, я буду иногда бывать у вас вот так – набегамы между дежурствами. Должен же вас хоть кто-то контролировать в отсутствие вашей бабушки.

Да хоть каждый день! И даже несколько раз в день... Агата быстро-быстро закивала, хоть её царапнуло слово «контроль». Но пусть приходит – хоть и по обязанности.

– Ну и отлично. До встречи.

Келдыш сделал шаг и обернулся:

– И передайте своим друзьям, что они не учли основополагающего фактора – выход открывается только в ночь полнолуния. Хотя лучше пока не говорите: заодно и материал перед экзаменами повторят.

Глава 11

Коридоры шутят

Пустыня. Так... спокойно. Никого. Агата соскользнула с бархана. Небо – низко, просто протяни руку и коснись...

Крупно вздрогнув, она распахнула глаза. Возле ванны стоял какой-то старик и, недовольно качая головой, постукивал скрюченным указательным пальцем по песочным часам. Песок из них давно высыпался. Агата попыталась подняться, но обнаружила, что прикована по рукам и ногам. Перепугавшись, рванулась – спросонья не сообразила, что это не цепи и не верёвки, а просто туго стянувшие запястья и лодыжки ленты датчиков. Старик перевернул часы и, не взглянув на неё, бесшумно удалился. Серая мантия волочилась за ним по мокрому полу. Агата осталась лежать в остывающей воде, глядя на тусклую мигающе-потрескивающую лампочку. Где-то капала вода, и эхо от капель гулко разносилось по всему зданию. Казалось, во всём Институте – никого. Может, про неё просто забыли и ушли домой?

...ДМН внезапно решила, что её подопытная крыска слишком долго расслабляется (тратя при этом драгоценное лабораторное время и отведённый для исследований час), и предложила для ускорения засыпания использовать тёплую ванну со всяческими успокаивающими добавками. Ванна располагалась в заброшенном крыле института: говорят,

раньше здесь была экспериментальная лечебница. Интересно, какими же «экспериментами» тут лечили? И могли бы вылечить, например, Димитрова? Или потеря магии болезнью не считается? Скорее, это что-то типа... ампутации?

Приближающиеся, громкие, отдающиеся эхом, шаги. Осталось только закрыть глаза и представить себе ожившую статую Командора. Вот она со скрипом распахивает дверь...

– Заждалась? – Нона деловито отстегивала Агатины «наручники». – Очень интересные показатели... Что тебе снилось?

– Пустыня.

Нона выдержала пробку из ванны. Переспросила невнимательно:

– Что? – она озадаченно смотрела на сыпавшиеся песочные часы. Вскинула руку со своими золотыми часиками. – Ничего не понимаю...

Вытиравшаяся Агата пояснила:

– Тут приходил какой-то старик и перевернул часы снова.

Нона нахмурилась.

– Какой старик?

– Ну какой-какой... старый, в серой мантии. С бородой. Пришёл и перевернул, – объясняла Агата, всё больше смущаясь под недоверчивым взглядом Ноны.

– Не выдумывай! Ты сама вставала?

– Как? – Агата показала на валявшиеся «кандалы».

– Значит, у тебя получилось повернуть их усилием воли?

– Чешуистая чушь! – не выдержала Агата. – Даже если б и смогла, зачем мне нужно часы переворачивать? Я жду-не дождусь, когда вы меня домой отпустите.

– Ничего не понимаю, – раздражённо бормотала Нона. – Старик какой-то... Он хоть что-то сказал?

– Нет. Перевернул и ушёл. Может, у вас какой-нибудь сторож-пензионер есть? – предположила Агата. Под недоверчивым взглядом Осипенко ей всё больше казалось, что чушь-то как раз говорит она сама. Сторож в мантии старинной с бородой седой и длинной... А может, у него стиль такой.

– Куда он ушёл?

Агата показала, Нона заглянула за покрытую потрескавшимся кафелем стенку.

– Там же тупик!

Оставалось только пожать плечами. Не приснился же он ей, в конце-то концов! Или приснился? Но кто тогда перевернул часы?

– Хотя... – Нона задумчиво хлопывала ладонью по стене. – Разве что наложение феноменов... остаточное излучение...

Агата наострила уши.

– Радиоактивное?

– До завтра, Агата.

– Но завтра же суббота!

– Наука не приемлет выходных.

Агата не сдвинулась с места.

– А я очень даже приемлю. Завтра выходной. Так что машину можете не присылать, я всё равно никуда не поеду. И в воскресенье тоже.

– Ох, иди! – раздражённо отмахнулась Нона.

– До свидания.

Агата шла по широкому длинному коридору и, настороженно оглядываясь, потихоньку ускоряла шаг. Уж лучше бы она подождала Осипенко!

Теперь ей приходится пересекать это заброшенное крыло два раза в день и всегда становится страшно – и не только из-за дурной славы имэффовских коридоров. Сама атмосфера! Голые стены с облупившейся краской; спутанные плети провисшей проводки; редкие мигающие пыльные светильники. Из-за закрытых дверей старых лабораторий доносятся какие-то шорохи и даже чьё-то бормотание.

А ещё по пустым длинным коридорам вольно гуляет гулкое, сложное эхо. Хотя Агата старается ступать бесшумно, эхо всё равно повторяет её шаги, уносится вперёд, запускает по пролётам пыльных лестниц, ведущих в темноту вверх и вниз, и коварно выплёскивается навстречу – кажется, кто-то вот-вот выйдет из-за угла...

Или кто-то постоянно крадётся следом.

Только ступив на знакомую красную дорожку, Агата, наконец, с облегчением вздохнула и замедлила шаг. Побрела, со скукой разглядывала пол, и не сразу заметила, как начал тускнеть свет.

Подняла голову: вместо длинных ртутных плафонов с потолка свисали жёлтые лампы-«груши» на скрученных длинных шнурах. Заменили за день, что ли? Между прочим, в Институте *Магических* Феноменов могли бы использовать не банальное электричество, а какой-нибудь иной способ освещения. Волшебный. Звёздный свет, например, или светлячков... ага, или лесных гнилушек... ну и убогая же у неё фантазия!

Нет, кажется, она всё-таки не туда идёт.

Стены коридора, уже не обшитые пластиком, были сложены из каменных блоков с выкрошившимся из швов раствором. Электрические лампы исчезли, свет впереди колебался, как будто... Агата прищурилась; да, точно! Это же свечи, вставленные в висящие на стене подсвечники! Оказывается, и у магов бывают перебои с

электричеством! У них дома в Светлогорске всегда лежали свечки на случай аварии на подстанции...

Свечи были толстыми, белыми; на металлических чашечках подсвечников и на кладке стены виднелись застывшие восковые слёзы. Агата оглянулась – коридор за её спиной изогнулся (хотя она была готова поклясться, что он только что был совершенно прямым), и свет электрических ламп из-за поворота сюда не проникал. Кстати, и дверей на пути что-то давненько не попадалось... Впору уже кричать: «Ау-у, люди! Ну кто так строит?!» Надо пройти ещё чуть-чуть. Должен же этот коридор где-то кончиться, куда-то привести?

...Ну, если он куда и ведёт, то наверняка на другую сторону земного шара! Стены становились всё древнее, свечи сменили сильно коптящие факелы. Когда Агата в очередной раз приостановилась, пламя ближайшего факела начало потрескивать и мигать – вот-вот погаснет. Да ещё и в лицо потянуло холодным ветром, как будто где-то открыли дверь в огромный ледник.

Пожалуй, пора уже поворачивать обратно. Конечно, она бы с удовольствием прогулялась ещё по этим... *готическим* коридорам, но только не одна, а в компании боевого мага. Келдыша, например. Или даже Бориса. Хотя, если подумать, здесь вампирам самое место. То есть, привычная по фильмам и книгам среда их обитания.

Как тут, кстати, с этим делом? С вампирами, имеется в виду? С э-э-э... не цивилизованными?

Агата вытащила из кармана джинсов мобильник. Позвонить хотя бы той же Осипенко? Пусть выведут её обратно, а то как-то жутковато становится.

«Антеннка» на дисплее отсутствовала. Ну просто отлично! Агата вновь огляделась и передёрнула плечами. Ну конечно, если этот коридор ведет далеко, глубоко... под землю?.. в прошлое?.. сотовой связи тут точно нет. Или пока не существует.

Агата решительно повернула назад – к мобильной связи, электричеству и свету дня. Коридор вильнул и...

Кончился.

Перед ней высилась громадная полукруглая, сбитая из толстых досок дверь. Доски обрамлены красноватым от ржавчины железом. Скобы, петли и накладки тоже ржавые. Мощный засов задвинут, ручка – витая, металлическая, тяжёлая даже на вид петля.

Говорили же ей быть поосторожнее с коридорами! И бабушка, и Келдыш, да и Осипенко тоже.

А может, она ещё и не просыпалась сегодня? Продолжает спать и видеть сны про единый магический Институт? Или всё-таки «живые»

коридоры развлекаются с ней в яви, запутывают, водят по своему лабиринту? Тогда учёные могли бы выдать какой-нибудь магический девайс, да хоть волшебный клубок, в конце концов! На всякий случай.

На *такой* случай.

А за её спиной потрескивали, метались и гасли факелы...

Ну конечно, это сон! Просто он становится страшноватым. Холодный ветер вновь коснулся шеи – он налетал порывами, как будто кто-то нагонял его взмахами крыльев.

Больших чёрных крыльев...

Кровожадный феномен приготовился за пятку страшным зубом ухватить заплутавшую Агату!¹ Ха-ха! Что-то её сегодня на стихи потянуло.

В общем-то выбор у неё небольшой: или снова пойти по коридору навстречу ветру и темноте или уйти через эту дверь.

За которой тоже неизвестно что (или кто) ожидает.

Агата попробовала сдвинуть засов: тот с трудом, со скрежетом, но поддавался. Продолжая то толкать, то тянуть его обеими руками, она оглянулась, машинально бормоча: «Феномен оскалил зуб и кровавый глаз нацелил, но Агате недосуг, ведь она все ближе к цели!» Коридор из извилистого стал теперь совершенно прямым, и было видно, как надвигающаяся тьма, словно волна воздуха от прибывающего в метро поезда, гасит факелы. Языки пламени, сопротивляясь, метались, вытягивались чуть ли не до потолка, вспыхивали ярко – и гасли, испуская предсмертные красные искры.

Затанцевали и ближайšie факелы, заметалась по двери и стенам её всклокоченная тень... или уже не только её – множество рук, голов, тел... распахнутое острое крыло...

Засов с грохотом вылетел из петель. Едва не порвав себе мышцы, Агата рванула на себя просто стотонную дверь, шеи коснулось нечто невесомое и прилипчивое – вроде паутины, только очень холодной – и влетела в дверной проём.

– Ну наконец-то! Агата, где ты бродишь? Машина ждёт тебя уже целых пять минут!

Глазам было больно от света, пронзительного дневного света лабораторных ламп. Осипенко, постукивая ногтями по столу, смотрела на неё с раздражением. Агата оглянулась. За спиной была обычная, белая, стеклянная до половины дверь. Агата даже открыла её и выглянула в коридор – коридор как коридор. Освещённый, привычный, неподвижный коридор ИМФ.

¹ Стихи Н.Каравановой

– Ты что-то потеряла? – спросила Осипенко.

– Нет, – сказала Агата. – Всё нормально.

Глава 12

Выходной, визитов полный

– Ну, и куда вы пропали? – услышала она слегка раздражённый голос Келдыша. Агата крепче прижала к уху телефонную трубку. Поспешно соображала: она должна была что-то сделать и забыла?

– Я здесь... в интернате, то есть.

– Почему сегодня не позвонили?

– Так выходной же, я думала, вам надо звонить только, чтобы про ИМФ рассказывать...

– Да, – Агата услышала, как он хмыкнул. – Ну да. В том числе. Вы собираетесь домой на выходные?

– Ну... нет. Мы с бабушкой решили, что я не буду ночевать дома.

Не могла же она сказать ему, что просто боится оставаться одна? А в гости к родственникам Стефи или Люси (они уже просили: девочки, не родственники), её не отпускает Божевич. Говорит, что эти самые родственники не сделали ему лично ничего такого плохого. Иногда он выражается ещё ядовитей Келдыша.

– А кто вам предлагает ехать к себе домой? Хотите навестить Кыша? Или желаете провести все выходные в интернате?

Агата представила пустое здание интерната: хорошо, если осталась пара человек на весь этаж. Сказала быстро:

– Нет, уж лучше с вами! А... можно?

– Я польщён, – сообщил Игорь. – Можно, если я предлагаю.

Сначала на время отъезда бабушки они собирались отдать котёнка Келдышу, но тот отказался: «Видите ли, у меня ночью случаются гости...» Бабушка выразительно хмыкнула, но Агата поняла, что он говорит про Бориса с Анжеликой – да уж, кот покоя не даст своими антивампирскими воплями! В интернат нельзя; у знакомых то аллергия, то собаки, которые любят котят, но... под соусом. Наконец Игорь предложил сдать его Лизе: «дети там такие же сумасшедшие, ему понравится». Теперь Ловец периодически передаёт Агате приветы от Кыша.

– А... Лиза?

Сестра Келдыша её не любит – считает, что из-за Агаты Игорь попадает в неприятности... и она права.

Ну, и из-за Агастиной фамилии – тоже.

– Напекла пирогов, – сдержанно сказал Келдыш.

Когда они подходили к знакомой двери дома, Агата спряталась за спину куратора. И чуть не подпрыгнула от двойного вопля:

– Ига-арь!

Келдыш сгрёб визжащих племянников под мышки и потащил по коридору навстречу улыбавшейся Лизе.

– Привет всем! Как тут ваш подопечный?

– Здравствуйте, – тихонько сказала Агата.

Лиза ответила сдержанно:

– Здравствуй. Не стой в дверях, детей застудишь.

Агата закрыла дверь и, стянув кроссовки, прошла вслед за всеми в гостиную. Там по дивану и креслам носился взбудораженный Кыш. Агата с трудом его поймала и, прижав к себе, начала гладить. Неизвестно, узнал ли он её, но притих, принохиваясь к лицу.

– Ни фиги себе! – сказал мальчик, таращась на Агату круглыми – Лизиными – глазами. – Сидит!

– Да уж, Агата знает, как с ним управляться, – согласился Келдыш.

– Она не таскает его за хвост и не засовывает ему в рот кашу.

– Но мы же её едим! – справедливо возмутился мальчик. Девочка – наверное, годика три – смотрела на гостью, сунув в рот палец.

– Это Кирилл, – сказал Келдыш, легонько потянув пацана за ухо, тот, заворчав, недовольно отмахнулся. – А эту онемевшую девицу зовут Анной.

Тут девочка решила доказать, что вовсе не онемела. Она вынула палец изо рта и сказала – очень отчётливо и торжественно:

– Ты Игорева любовница!

Лучше бы она и правда была немой! Агата чуть котёнка не выронила. Лиза смотрела на них, открыв рот. Келдыш засунул руки в карманы и медленно повернулся к сестре.

– Та-ак!.. – сказал вразтяжку. Лиза сжалась, бормоча: «дети часто сами не понимают, что повторяют». Приятно видеть, что не одна Агата его боится.

– Повторяют, – тоже повторил Келдыш и, крепко взяв сестру за локоть, потащил на кухню. Агата услышала, как Лиза возмущённо повысила голос:

– Ты бы слышал, какие словечки она притаскивает из садика!

И торопливо спросила:

– Ну как тут Кыш? Чем вы его кормите?

Дети радостно докладывали, что кот ест, а что не любит, с кем спит, хвастались боевыми царапинами. Когда взрослые вернулись, Агата была уже засыпана ворохом игрушек, которые демонстрировали ей временные хозяева Кыша. Магических игрушек тут было просто пруд пруди, ей бы такие в детстве! Правда, и Келдыш уселся на ковёр, с явным удовольствием разбираясь с какой-то новой версией игры в исчезающие шарики.

Тут вошёл большой толстый мужчина.

– Па-ап! – дружно завопили дети, кидаясь на него, как раньше на Келдыша. Агата поняла, что этот приём у них уже отработан и в следующий раз её встретит крик: «Ага-ата!». Надо заранее потренироваться, а то она рухнет под таким двойным напором.

– Привет, Олег.

– Привет-привет, – он трепал детей по головам, как приставучих щенят, с интересом разглядывая Агату. – Это кто же у нас в гостях?

– Это Кышева хозяйка!

Агата встала.

– Здравствуйте, я Агата, – она привыкла уже не называть своей фамилии.

– А-а-а! – радостно сказал Олег. – Так ты Игорева девочка!

Лиза сдавленно фыркнула, а Келдыш закатил глаза к потолку.

Агата думала, что куратор отвезёт её в интернат, но обнаружила, что машина остановилась на Часовой площади.

– Переночуете у меня, завтра после обеда отвезу вас в интернат.

Агата представила, как они целый вечер – пусть и очень поздний – проводят вдвоём. О чём с ним говорить? Да Келдыш заскучает с ней через пять минут! И пожалеет, что привёз к себе домой.

– Вам предстоит нелёгкий выбор, Мортимер, – Игорь взял её куртку и повесил на вешалку.

– А?

– Я сегодня с ночной, устал до смерти и спать хочу, так что вам придётся развлекать себя самой. Только для начала выберите, где будете спать: спальня, гостиная, кабинет?

– Кабинет.

Кабинет ей нравился больше остальных комнат в доме – наверное, потому что здесь больше всего книг. И ведь не скажешь, что совсем недавно она разгромила его вдребезги! Надо побыстрее освоить эту бытовую магию, уж очень Агата убираться не любит. Келдыш кивнул.

– Сейчас принесу бельё и... вам, как обычно, нужна майка?

Агата моргнула.

– Ну... да.

Келдыш бросил на диван стопку белья и плед. Огляделся:

– Еда в холодильнике. Телевизор в гостиной, ну, вы помните. Вам ещё что-нибудь надо?

Посидите со мной...

Чтобы не сказать этого, Агата спросила поспешно:

– А можно разжечь камин?

– Камин? На улице тепло, так что будет очень душно.

Зато как романтично! Она сидит у камина, ворошит дрова, искры летят в дымоход, точно маленькие красные созвездия. А Игорь сидит в кресле и молча любит её... Ага, размечталась!

– Ну... тогда ничего.

Келдыш кивнул.

– Дверь в кабинет закрывается.

Агата непонимающе посмотрела на массивную дверь. И что?

– Лучше запритесь. Если вы опять чего-то испугаетесь, я к вам больше не приду, – подсказал наблюдавший за ней Келдыш.

А почему?

– Я вас и в прошлый раз не звала, – проворчала Агата себе под нос.

– Так, это я сказал, что ещё? А! Тогда вы были просто не в состоянии... – Игорь подошёл к окну и поманил её пальцем. Спросил – прежним учительским тоном: – Вы знаете, почему эта площадь называется Часовой?

– Ну... наверно, потому что здесь много часов?

– Вы проявляете просто чудеса сообразительности, Мортимер! – Келдыш обвёл рукой дома, окружавшие площадь. – И когда все они начинают отбивать полночь, новому человеку с непривычки может быть жутковато. Тем более что каждый дом опаздывает от остальных на один удар, так что вся эта какофония надолго.

– Наверное, здорово звучит?

Игорь усмехнулся:

– Да уж, этим представлением вы сегодня насладитесь на полную катушку! – Опёрся пальцами о широкий подоконник, разглядывая слабо освещенную площадь. – Говорят, если выбрать на площади нужное место, когда все часы отбивают полночь, так сказать, точку пересечения боя, можно повернуть время вспять. Что-то исправить в прошлом, вернуть.

– А вы пробовали?

– Да. Давно.

– Получилось?

– Наверно, я так и не нашёл нужной точки. Или это просто обычные полуночные байки.

– А покажете, как вы это делали?

Его плечо почти касалось её плеча. Он был таким горячим... Келдыш некоторое время задумчиво поразглядывал площадь. Повернул голову, молча порассматривал и Агату: она почувствовала, как её щёки вспыхнули.

Изрёк, наконец:

– Не сегодня.

– Но вы же всё равно собирались меня учить...

– Я сказал – не сегодня!

Он слегка повысил голос, и Агата сразу замолчала. Между прочим, Келдыш совершенно не выглядит сонным...

Прошёл мимо неё.

– Ну всё, – сказал уже из коридора. – Вообще-то, здесь, в моём доме, можете ничего не бояться, ночью нагрянут Борька с Анжеликой.

Агата невольно фыркнула, и он тут же откликнулся:

– Что такое?

Она выглянула за дверь – Игорь приостановился на лестнице.

– Интересно звучит: спи спокойно, потому что ночью придут вампиры!

Келдыш обдумал и слегка улыбнулся.

– Действительно. И всё равно – спокойной ночи.

Агата не боялась, правда. Даже когда вспоминала-представляла, где стоял и что делал Инквизитор... Интересно, а Игорь боится чего-нибудь в собственном доме? Она вообразила, как поднимается по лестнице, подходит к его кровати и спрашивает: «А вы сами-то тоже боитесь?» Из упрямства Агата даже не стала закрывать дверь, хотя, читая книгу, то и дело посматривала на тёмный проём. С тех пор, как она в последний раз боялась Теней, она очень выросла.

На один Котёл и на целого Инквизитора. Она уже практически взрослая.

Жаль, окружающие этого не понимают.

Особенно Игорь.

И всё-таки Агата вздрогнула, когда над площадью прокатилось первое «бомм». Торжественно-гулкое, мощное – наверно, церковные колокола звучат куда тише. Как к этому можно привыкнуть и даже не проснуться? Хотя в прошлый раз, после Инквизитора, она ведь их не слышала. На смену первому пришёл второй – более звонкий. Потом третий. Сколько вообще часов на площади? Надо будет завтра пересчитать. Агата сидела на диване и слушала, открыв рот. Оказывается, из боя часов может получиться музыка. Странная, гулкая, звенящая. Но музыка.

Что бы она сама хотела вернуть? Что исправить?

Чтобы Инквизитор никогда не переступал порог этого дома.

Чтобы Димитров не пытался защитить их с Келдышем.

Чтобы она не сказала Инквизитору этих слов: «Возьмите всё».

Звуки медленно растворялись в ночном воздухе. Выбрать нужную точку... Агата долго разглядывала пустую площадь, как будто «пересечение боя» могло быть помечено каким-то специальным крестиком. Надо спросить Игоря, как и где он пытался. А что хотел изменить он сам?

Она думала дождаться появления вампиров, но полвторого ночи глаза начали закрываться. Агата выключила торшер и положила книгу на пол.

– ...Ангелочек? – Голос-не голос – шелест. Так вампиры говорят между собой? Или она вообще слышит их мысли? – Что ты там делаешь?

– Смотрю.

Тишина.

– Я просто смотрю, – повторила Анжелика.

– Тебя тянет к ней?

– Тянет... Не то, что ты думаешь. Я смотрю на неё, а вижу себя. Её тоже изменили... безвозвратно.

Тишина.

– Ты жалеешь? Всё ещё жалеешь?

– Не знаю...

– Иди ко мне.

Тишина. Шелест. Длинный стонущий выдох и тихий смех Анжелики – услышишь такое где-нибудь ночью в тёмном пустынном месте, волосы станут дыбом. Здесь Агата продолжала спокойно спать. Через паузу – Дегтяр:

– И сейчас жалеешь?

– Только не сейчас...

...Руки сплетаются, сплетаются пальцы, кажется, что по ним, по рукам, по всему телу несётся синее, обжигающее не то жаром, не то холодом пламя, под мелко трепещущими веками вспыхивают сеточки молний, прикосновение, близость другого тела необходимы как умирающему от жажды – глоток воды... Вслед за слиянием, вместе с чужим пламенем – в тебя, в твоё тело и кожу входит шёпот и время, музыка и знания...

И уходит, когда одно вновь становится двумя... забывается... исчезает.

Любовь вампиров. Она не знала, похоже ли это на любовь людей. Просто уже не помнила.

Она теперь прекрасно видела в темноте. Да и не было нужды напрягать зрение: пальцы, лениво скользящие когтями по её коже, оставляли после себя флуоресцирующие голубые дорожки. Рука касалась её рта, задерживаясь на мгновение, проводила по лбу, накрывая глаза – она могла видеть сквозь ладонь, как он на неё смотрит.

Ты одна такая.

Единственная.

И это она знала. То, что должно бы стать комплиментом, было для неё просто существованием. Одна. Не человек. Не вампир.

Женищина-вамп, говорил он, улыбаясь. Ей нравилась его улыбка. Его тело. Он сам. Нравилось то, что сейчас, рядом с ней, в долгожданной темноте, он гораздо меньше похож на людей, чем когда общается с ними. Надевает официальный костюм – так он говорит.

...Ей не нравились его остальные сородичи.

Так же, как и она им.

В ИМФ, куда её забрали после Кобуци, сказали, что процесс уже необратим. А она уже и сама не знала, хотела ли вернуться, вновь стать человеком. Люди-маги смотрели на неё с сочувствием. Маги-вампиры испытывали брезгливость – как к существу неполноценному, недоразвитому, созданию из пробирки. Но чувства и тех, и других были приправлены исследовательским интересом: как вам удалось это сделать, спрашивали они, она молчала. И проклинала Дока, вывезшего её из Кобуци и пообещавшего ей свободу: «Ты можешь выбирать, с кем ты будешь. Здесь у тебя выбора нет».

Выбора, как оказалось, нет и в городе: лишь бесконечные опыты, анализы, эксперименты, обследования... Неужели совсем недавно она сама была такой же? Казалось, с каждым проведённым здесь сутками она истончается, тает, растворяется в дневном свете лабораторий, терзающем чувствительную сетчатку глаз; плавится под прицельными взглядами испытателей.

Он вытащил её и оттуда. Пришёл однажды – мрачный, огромный, с ворохом важных бумаг и парой занимающих солидные должности вампиров. Этих она не интересовала – их волновало лишь несоблюдение договора между магами и Сообществом.

Казалось – всё изменилось. У неё появился дом – его квартира, – он сам, любовь, которой они с удовольствием занимались и светлым днём, и тёмной ночью. Он понемногу рассказывал о том, что такое быть вампиром. Понемногу учил. Кое-что ей даже удавалось – и поэтому она не сразу поняла, что происходит.

Его сородичи приходили к ним или мелькали в толпе, приглядываясь к ней; она легко различала их, скрывающихся среди людей. Охотящихся на людей. Об этом Борис говорил неохотно и скупно – и то после её настойчивых вопросов. Несколько тысяч особей, живущих в огромном мегаполисе – не так уж это и много, она могла бы познакомиться и узнать их всех...

Если бы они этого хотели.

Приходящие любопытствовали, разглядывали её, расспрашивали Бориса – потому что сама она вскоре перестала отвечать на

вопросы – и искренне сочувствовали или удивлялись ему. Извращенцу, связавшемуся с явной аномалией, с чем-то третьим в давно известной и упорядоченной действительности. Несколько встреч, когда его сородичи высказались прямо, открыли глаза, которые она по собственной воле держала «полуприкрытыми», взглядыываясь в окружающее сквозь призму неунывающего взгляда Бориса.

В ИМФ её кормили питательным раствором – отвергательным, явно синтетическим – она глотала его как лекарство. Борис давал уже что-то повкуснее и отшучивался, когда она спрашивала, не человеческая ли это кровь. Сам он мог есть и сырое мясо: «я сыроед, только не в смысле поедания сыра».

Как-то она собралась с мыслями и с силами и проанализировала все свои способности и достижения (оказался суций мизер!) и различия с другими вампирами – с тем же самым Борисом. На предположение, что всё её отличие от остальных основано на том, что она не употребляет человеческую кровь, он отреагировал неожиданно бурно: «И не будешь пить!»

...Однажды её позвала эта девочка. Странная девочка. Отличающаяся от других людей и магов. Когда она не заполнена светом, в ней прячется какая-то темнота – словно тень, таящаяся в пустоте сосуда. Когда магия возвращается, Агата – маяк в ночи, к которому стремятся все терпящие кораблекрушение. Или свеча, на которую из тьмы летят мотыльки. Даже Борис, сам того не сознавая, тянется к ней. Что уж говорить о его друге? Тот думает, что может кружить, не приближаясь, на самой границе тьмы и света, а крылья-то давно уже опалены...

Агата позвала вовремя. Уйдя от Бориса, она долго скиталась по столице, постепенно растворяясь в серой громадной пасти города, скользила меж людей и нелюдей, с всё большим трудом воспринимая их ауру и сознание. Она становилась меньше и меньше – превращалась в тень самой себя. Если бы это продолжалось и дальше, так бы в конце концов и случилось – кто знает, сколько таких теней трепещут незамеченными на тротуарах города, сколько остывающих дыханий касаются нас, и мы ёжимся, не понимая, откуда взялся этот неожиданный холодный ветерок...

Но Агата позвала. Сначала она и не восприняла этот слабый оклик – как перестала воспринимать голос Бориса. Ведь он искал её, с каждой ночью всё безнадежнее, но всё с тем же неослабевающим упорством. Её ничто уже не касалось, она уже практически не существовала... Но зов становился всё настойчивей – и она наконец прислушалась. Необычный голос – неуверенный и в то же время

сильный и звучный. Странные ноты. Странный звук и цвет. Необычно. Удивительно. А она давно перестала удивляться, просто потому что ничто её уже не интересовало. Тонкая нить – внимания, понимания – стала всё прочнее и явственней. И она откликнулась. Отозвалась.

Пришла.

Девочка, несмотря на все различия между ними – возраста, обстоятельств, существования – вдруг напомнила ей саму себя. В Кобуци. В ИМФ. Сейчас. Может, Агата и не грозило то состояние исчезновения, в которое постепенно впадала она, но... она могла помочь девочке.

Или Агата – ей. Агата вернула ей Бориса, напомнила о нём. Заставила захотеть увидеть, откликнуться. Понять, что она действительно ему нужна. Как и он ей – и не только потому что он был единственной опорой в ставшем чужим и незнакомым мире.

С тех пор мир застыл в равновесии...

Холодный ветерок скользнул по её щеке, по плечу. Встать, лениво подумала Агата, окно закрыть? Окончательно просыпаться не хотелось. Она вздохнула и натянула плед повыше.

– Отойди от неё, – тихо сказал Келдыш.

Мягкий тихий смех над самым её ухом. Агата хотела открыть глаза – посмотреть, кто это так смеётся – не получилось, веки были точно склеены.

– Я смотрю её сны... хочешь, расскажу тебе?

Предатели, вяло возмутилась Агата. Во сне она и Келдыш вдвоём бродили по крышам, взявшись за руки. И танцевали прямо в воздухе.

– Просто – отойди – от неё, – раздельно повторил Игорь. Голос его не стал громче, но она бы на месте собеседника послушалась. Он и послушался. Скрип двери – выходящий прикрыл её неплотно.

– Ты хочешь мне что-то сказать? – спросил Борис.

– Нет, я хочу тебе кое-что набить.

Борис зевнул – фальшиво громко и длинно.

– Да ладно, успокойся, ничего я ей не сделал. Даже снов никаких не насылал... Хватит так на меня смотреть!

– Как?

– Так! Я её ни пальцем, ни зубом... Хватит, я сказал!

– Борис. Мне это не нравится. Твоя Анжелика вокруг неё кругами ходит, ты ещё...

– Запретишь приходить к тебе в дом? – преувеличенно удивился Дегтяр.

– Если понадобится.

– А хочешь, расскажу тебе её сон? – с неожиданным злорадством спросил Борис.

- Не хочу. И больше она ночевать здесь не будет.
- Ты уже определись – *за* Агату боишься или *саму* Агату боишься? Тишина. Келдыш произнёс устало:
- Я всё сказал.

Она проснулась перед рассветом. Полежала, глядя в потолок. Услышав звуки на кухне, побрела туда, зевая и оглядываясь.

– А где все?

– А тебе что, меня одного мало? – Борис пил кофе в сумраке кухни. Интересно, а когда становишься вампиром, вкусовые пристрастия меняются? Борис ведь явно в кофе не нуждается, но всё равно пьёт. Остаются старые привычки? Агата рассеянно наливала себе кофе, раздумывая, тактично ли будет спросить об этом Дегтяря. Или обо всём таком рассказывают на уроках магии? Вот, надо для начала расспросить Стефи!

– Игорь ещё дрыхнет. А Анжелку я пораньше домой отправил, ещё по темноте.

– А вы из-за чего ночью ругались?

– С Анжелой?

Агата только посмотрела, и Дегтяр дурашливо забурлил кофе.

– Не радуйся, не взревновал он тебя!

Да уж, чего-чего, а *этого* от Келдыша не дождёшься!

– А почему он всё-таки на вас рассердился?

– В принципе, правильно сердится, – Борис поставил недопитую чашку. – У нас, вампиров, есть некоторые способности... с частью тебя уже ознакомил недоумок по кличке Малыш...

– Вампирский зов?

– В том числе. А ещё мы можем вмешиваться в человеческие сны, менять ваши сновидения.

– Влиять на сон? Так вам прямая дорога в лабораторию к Осипенко!

– Не дождётесь! Вот именно такого вмешательства Игорь и опасается.

А у тебя такие... – Борис мечтательно поднял глаза к потолку, – интересные, цветные, волшебные сны! Просто загляденье!

Агата уставилась в чашку. Если он сейчас заговорит о её сегодняшнем сне... Но она ведь не отвечает за то, что ей снится!

Борис произнёс неожиданно серьёзно:

– Между прочим, я мог бы и самого Игоря избавить от кошмаров.

– Это от сна про...

– Да, про Инквизитора. Но наш общий друг-идиот отказывается.

– Почему? Он вам не доверяет?

Борис скривил губы:

– Вот как раз *здесь* он мне верит. Но он же типа настоящий мужик! Он же со всем должен справляться сам!

Агата подумала о кошмарах Димитрова – вот кому на самом деле пригодилась бы помощь Бориса! Но как это Славяну предложить? Разве что тайно, без его ведома... Спросила безо всякой надежды:

– Может, вы всё-таки Игоря как-нибудь убедите?

Дегтяр с интересом смотрел на неё. Сказал медленно:

– В общем-то, я знаю ещё одно верное средство от кошмаров.

– Снотворное?

– В некотором роде, – Дегтяр наклонился, заглядывая ей в глаза. – Рецепт очень прост – не спать в одиночку...

Агата растерянно заморгала, и Борис рассмеялся:

– Игорян меня за это убьёт! Ладно, ты меня не видела, ты меня не слышала... Ложись досыпай.

– Выспались?

Агата потянулась, раскрывая глаза.

– А сколько уже...

– Полдень.

– Да? – она села и потёрла «отлежанную» щеку. Сколько же раз за сегодняшнюю ночь она просыпалась? – А вы давно встали?

– Давно. Есть будете? Лизка насыпала нам полный багажник пирогов.

Ей понравилось это «нам».

– Да, буду. Вы слышали, как ночью пришли Дегтяр с Анжеликой?

– Не услышишь их! – буркнул Келдыш. – Полхолодильника опустошили. Ну и аппетит у этих влюблённых вампиров!

Агата вспомнила странные ночные звуки и, сообразив, что к чему, вспыхнула. А о том, что она слышала ещё и ссору с Борисом, и про «совет» Дегтяра вообще даже речи не стоит заводить. Келдыш, стоявший, прислонившись к косяку, внимательно оглядывал свой кабинет – как будто в первый раз его видел. Спросил неожиданно:

– Вы звонили Димитрову?

– Нет.

– Почему?

– А думаете, он обрадуется?

Келдыш, и правда, подумал.

– Нет.

– Ну вот видите...

Он прошёл и сел в массивное кресло напротив дивана. Агата завозилась, утягивая под одеяло ноги. Подтянула колени к груди.

– Он же меня теперь ненавидит, правда? Считает меня во всём виноватой?

– Вполне вероятно, – согласился Игорь. – Но одно другому не помеха. Можно и любить и ненавидеть одновременно.

Ещё одна взрослая заморочка!

– Как это? Так же не бывает! Или любишь, или ненавидишь!

Келдыш хмыкнул. У него очень хорошо получается передавать этим своим хмыканьем любую интонацию. Сейчас это была ирония.

– Уж поверьте мне, Мортимер, ещё как бывает! Я... Я не очень... – Игорь поглядел в окно и подёргал себя за мочку уха. – Вы говорите на подобные темы с вашей бабушкой?

– Какие темы? – Агата надела очки: Келдыш казался странным, немного... смущённым?

– О парнях, обо всём об этом...

– Да о чём говорить-то? – пробормотала она. – Нет у меня никаких парней.

– Неужели? – Келдыш уселся поудобнее, закинув ногу на ногу. – Может, я уже настолько отстал от жизни, но в мои времена поцелуй что-нибудь да значили.

– Да разве это поцелуй? – сказала Агата себе в колени.

Не глядя, увидела, что Келдыш поднял брови.

– У вас такой богатый опыт? Мне поцелуи Вуда показались вполне... серьёзными. Он готов был пойти дальше, и пошёл бы, если б я не помешал.

Агата тихо сопела в колени. Не мог, что ли, не напоминать ей о том дурацком случае? Келдыш неожиданно рассмеялся:

– Кстати, я только сейчас сообразил, что всё время врываюсь к вам в самый неподходящий момент! Тогда в гостинице с Вудом, здесь, в кабинете с Димитровым... Уж вы извините меня, Мортимер.

– Мы с Димитровым вовсе не целовались! – запротестовала Агата.

– Нет, – согласился Игорь. – Но дело к тому клонилось.

Она смолчала. К чему он вообще завёл этот разговор?

– Я к тому, – сказал Келдыш, – что вы всегда можете обратиться ко мне за советом. Я, как вы понимаете, знаю парней куда лучше, чем вы... или даже ваша бабушка.

Агата поморгала. А про себя он тоже будет давать ей советы?

– Спасибо, конечно, но...

– Не за что, – сказал Келдыш, не дослушав. – Вставайте, я пошёл греть пироги. Да, кстати, Димитрова выписали из больницы.

Глава 13

Прощание

Славян приехал за вещами. Наверняка специально сделал это в воскресенье, когда большинство интернатовцев разъехались по друзьям и родственникам, и всё равно набилась полная комната народу. Агата знала, что он не хочет её видеть, и потому торчала в коридоре, держась за спинами остальных. Смотрела, как он комом

запихивает вещи в мешки и сумки. Димитров стал очень худым и каким-то длинным – точно за месяц в больнице подрос на целую голову. Агата вообще заметила, что мальчишки вытягиваются как-то внезапно и сразу. Не то что девочки – они вырастают раньше парней, а потом останавливаются.

Одна надежда, что останавливаются...

С Димитровым был его отец и – почему-то – Келдыш. Игорь стоял, прислонившись к подоконнику, скрестив на груди руки, и наблюдал за сборами. Славян собирался молча, только иногда огрызался на какие-то вопросы или замечания отца.

Всем было не по себе.

Кроме Зигфрида. Тот или сидел на Славяновской кровати или слонялся рядом, мешая и беспрерывно болтая о том, что произошло за это время, про экзамены, про какие-то Витражи, и то и дело спрашивая:

– А это ты тоже с собой забираешь? И это?

Димитров уже отдал ему какие-то шарики и коробку и, кажется, пару раз даже улыбнулся. Агата незаметно вздохнула: хорошо быть маленьким, никаких тебе комплексов, можно путаться под ногами, приставать, можно даже спросить...

– ...а чего ты теперь будешь делать?

Славян наклонился ещё ниже, едва не засунув голову в объёмистую сумку. Ответил его отец – красивый широкоплечий мужчина. У него были седые виски и очень прямая спина – как у танцора или военного. Он оглядел притихшую комнату и сказал:

– Для начала мой сын должен как следует отдохнуть и выздороветь. Мы оставим вам адрес и телефон, не забывайте его.

Не забывайте. Агата передёрнула плечами. Говорит так, будто Славка умер. Мужчина посмотрел через всю комнату прямо на неё. Глаза его были очень тёмными и очень неприязненными. Конечно, он сразу вычислил её среди остальных. Конечно, он тоже винит её в том, что случилось... Как и Славян, который упорно делал вид, что её не замечает.

– Всё, – Славка надавил на сумку коленом, чтобы замок застегнулся. Рядом на кровати осталась горка вещей и книг. Славян махнул на неё рукой: – Вот. Возьмите. На память.

Начал пожимать руки интернатовцам. Кто-то за спиной зашмыгал носом, Агата оглянулась – не девочки, воспитательница Валерия.

– Как жалко мальчика, – бормотала она. – Такой талантливый был...

Агата сжала губы, чтобы не прикрикнуть на неё: да что ж вы его все хороните!

Отец Димитрова поднял пару сумок, прикинул на вес. Мальчишки, спохватившись, тоже начали загружаться пакетами и связками книг.

Славян оглянулся на пороге на свою комнату, и Агата попыталась представить, что он чувствует – ведь он никогда уже сюда не вернётся. Интернатовцы недружно побрели за Димитровыми – провожать, Агата отступила тихонько. Смотрела вслед. Худой, перекошенный на один бок под тяжестью сумки на длинном ремне. Славян шел всё медленнее, а потом и вовсе остановился, глядя в землю. Опустил сумку на пол, повернул обратно. Забыл, наверное, что-то. Забыл... Он подошёл к ней, наклонился – да-да, именно *наклонился!* – и поцеловал её в угол рта. Губы его были очень холодными.

– Пока, – сказал сипло, быстро повернулся, подхватил сумку и ушёл, сильно сутулясь.

– Пока... – запоздало сказала Агата. Все глазели на неё. Даже отец Димитрова. И опять – Келдыш.

– Идёмте, – сказал Келдыш спокойно. И они ушли.

А Агата развернулась и пошла в другую сторону. Всё с ней не так. И с поцелуями, которые ей достаются – тоже.

Если бы он тогда поцеловал её в квартире у Келдыша, если бы не было Инквизитора, если бы...

Неужели вся жизнь состоит из таких вот «если бы»?

Оглавление

Пролог.....	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
ИНСТИТУТ МАГИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ	5
Глава 1	
Парк запутанных дорожек.....	5
Глава 2	
Новая метла	10
Глава 3	
Прогулка. Больше чем секс.....	20
Глава 4	
Призрачное крыло	25
Глава 5	
Лаборатория сна. Алая арка.....	28
Глава 6	
Голем.....	34
Глава 7	
Оборотень.....	37
Глава 8	
Маячки	41
Глава 9	
Зверинец	47
Глава 10	
Контроль и ещё раз контроль	50
Глава 11	
Коридоры шутят.....	56
Глава 12	
Выходной, визитов полный.....	61
Глава 13	
Прощание.....	72

Литературно-художественное издание

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна

Нестрашные сны

Роман

Часть I

ИНСТИТУТ МАГИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ

*Вёрстка, корректура, ответственный за выпуск –
Калашников Н.Н.*

От издателя

Роман Натальи Колесовой «Нестрашные сны», разумеется, написан как единое целое, но возможности издателя позволили издать этот роман только таким образом – в трёх частях. Надеюсь, это не помешает читателям романа воспринимать его так же, как он написан, – единым целым.

На первой странице обложке – фото из интернета.

Тираж 50 экз.

– Девушка, а девушка, – продолжил тот же весёлый голос, – вы здесь на практике?

– Нет, – буркнула она.

– О, так вы уже работаете?

– Нет, – так же содержательно отозвалась Агата. Злилась на себя – уж Стефи бы нашла, как поддержать беседу! Но подружка ведь никогда не краснеет, а остальных очень забавляет румянец на Агатиных щеках. Один из самых дурацких и частых вопросов, задаваемых ей: «А что это ты покраснела?» Как будто это от неё зависит! Ведь это всё равно, что спрашивать – а с чего это вдруг у тебя глаза зелёные?

– А вы из какой лаборатории?

Агата упорно размешивала давно растаявший сахар.

– Из осипенковской. Лаборатория сна.

– О! – снова сказал парень, но уже с уважением. – А кем же вы там служите?

Она взглянула на него сквозь чёлку. Русский, коротко стриженный, глаза щурятся и искрятся смехом. Его молчаливый сосед-блондин ест и смотрит то на него, то на неё.

– Лабораторным материалом! – отчеканила Агата, бросая пончики и сползая с высокого табурета. – Приятного аппетита!

Услышала вслед растерянное:

– Приятного...



Издательство «Ник без Компани»